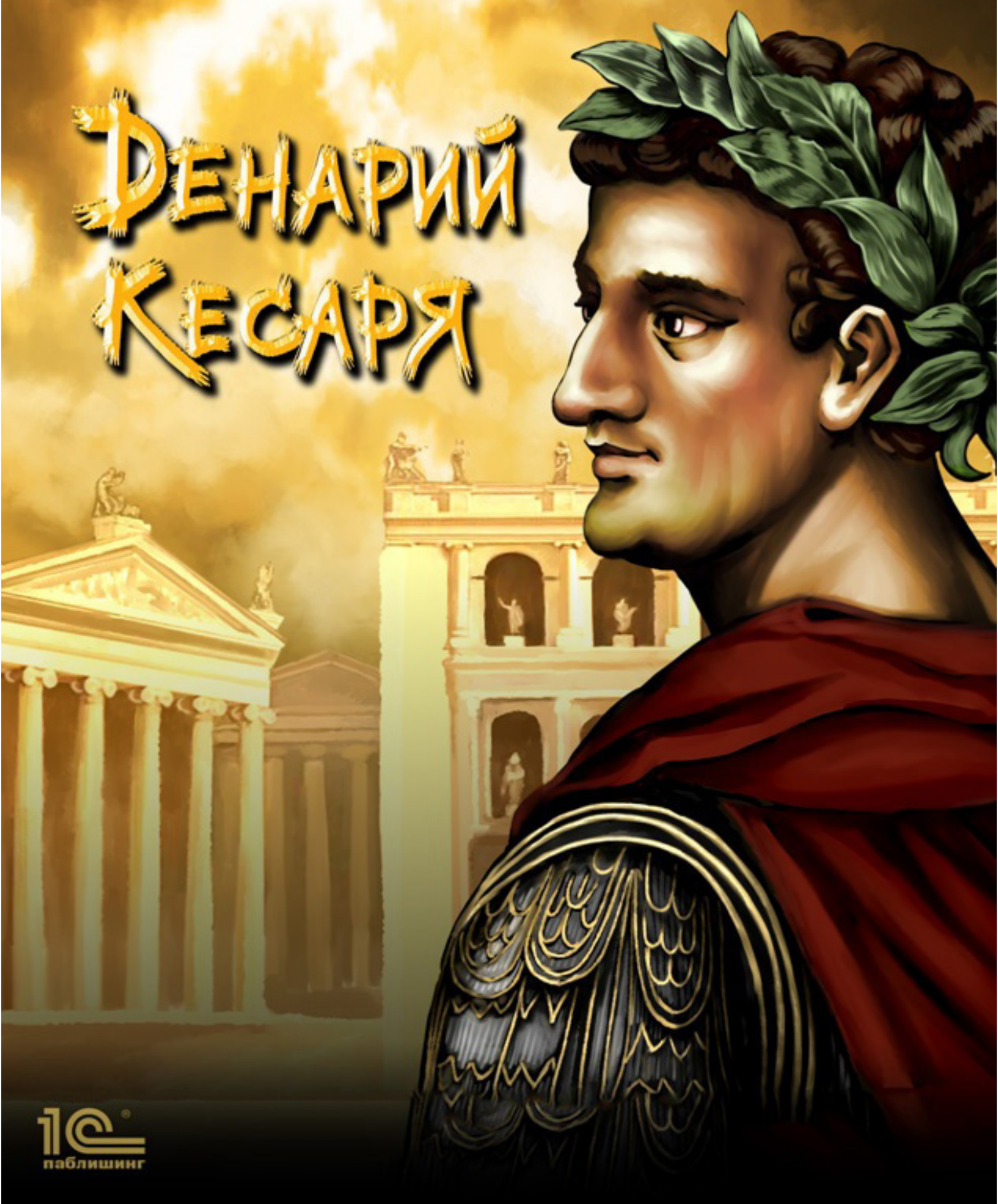

Анатолий Дроздов

ДЕНАРИЙ КЕСАРЯ

Изумруд Люцифера

Анатолий Дроздов

Денарий кесаря

«1С-Паблишинг»

2012

Дроздов А. Ф.

Денарий кесаря / А. Ф. Дроздов — «1С-Паблишинг»,
2012 — (Изумруд Люцифера)

Анатолий Фёдорович Дроздов – известный писатель-фантаст, пишущий в разных жанрах. Представляем роман из серии «Изумруд Люцифера», книги которой написаны в жанре мистики, приключений и фантастического боевика. Юный центурион Марк из провинции Римской империи отправляется с отцом в длительное путешествие, в котором встречается с попаданцами из нашего мира. Как вы, наверное, уже догадались, эта встреча в корне перевернёт судьбу героя и в конечном итоге приведёт его к всемирной славе. Подробности истории в книге.

© Дроздов А. Ф., 2012

© 1С-Паблишинг, 2012

Содержание

I. Профиль императора	5
1	5
2	14
3	27
4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анатолий Дроздов

Денарий кесаря

I. Профиль императора

1

Тихо... Угомонились мои беспокойные соседи, спит Александрия, забылся тяжким сном Египет, накрытый душной, весенней ночью – никто не мешает одинокому старику в его думах. Язычок пламени на конце фитиля светильника горит ровно, без копоти – сегодня я заправил его хорошим маслом. Мягкий медовый свет выхватывает из тьмы свиток папируса, глиняную чернильницу и ряд заостренных камышинок для начертания букв – на ночь хватит. Гладкий, отшлифованный камнем, папирус принимает описание моей жизни равнодушно, как греческий стоик – весть о кончине близких.

Зачем я пятнаю папирус, старательно выводя заостренной камышинкой ровные строчки? Не знаю... Я не ищу вечной славы. Я не император или родовитый патриций, в непомерном тщеславии решивший оставить наставление потомкам. Я обычный человек. И я не молод. Говорят, старики любят вспоминать юность. Если бы... Приходит ночь, ты остаешься один на скрипучих ремнях жесткого ложа и, ворочаясь с боку на бок, малодушно просишь Господа ниспослать целительный сон, дабы миновала тебя чаша сия. Но воспоминания приходят... В груди поселяется боль, а горло цепенеет, будто сдавленное чьей-то сильной рукой. Единственное спасение – сесть к столу и писать, писать, пока не занемет рука, а веки не станут тяжелыми, как мешки с зерном на александрийской пристани.

Наверное, я лукавлю, пытаюсь перехитрить самого себя. Мне хочется это рассказать. Хотя бы самому себе. А прочтет ли кто... Пергамент хрупок и проживет куда меньше каменной доски. Если людям суждено найти этот свиток, прежде чем он рассыплется в прах, на то воля Бога. А если нет? По крайней мере, я буду спокойно спать...

Я, Марк Корнелий Назон Руф... Я вспоминаю свое полное имя раз в пять лет, во время очередной переписи. Римская империя ведет строгий учет плательщиков налогов, дабы знать, сколько миллионов сестерциев очередной Август сможет потратить на свои безумства. Денег императорам всегда не хватает, поэтому сборщики налогов так ревностны и строги. Я смиренно являюсь на перепись, отдаю кесарю кесарево, и большего от меня не требуют. Другим и ученикам мое полное имя ни к чему. Это суетный Рим жаждет знать, кто ты и откуда. Тяжкое это дело – копаться в родословных... На миллионы мужчин, живущих в Римской империи, приходится два десятка личных имен, причем некоторые употребляются совсем редко. На берегах Средиземного моря обитают сотни тысяч Гаев, Луциев, Секстов, Публиев, Титов... Вторым именем у римлян служит название рода, но наши роды так велики... Во многих есть патрицианская и плебейская ветви, а во времена империи они стали перемешиваться... К тому же существует обычай: отпущенный на волю раб принимает имя своего хозяина. Уважающий себя римлянин обязательно указывает в завещании отпустить на волю хотя бы одного раба, но некоторые отпускают всех: назло наследникам и чтоб было кому искренне плакать на похоронах. Так в мир одновременно приходят несколько сотен Гнеев Лициниев, Марков Туллиев, Квинтов Эмилиев... Разберись потом, кто из них патриций древнего рода, а кто – просто разбогатевший вольноотпущенник! Еще Август пытался с этим бороться и всячески мешал освобождению рабов. Император Клавдий и вовсе запретил вольноотпущенникам принимать римские имена, но было поздно...

А взять римлянок! У них нет собственных имен, только имя рода. Поэтому у Клавдиев все женщины – Клавдии, у Эмилиев – Эмилии... Поскольку в семье может быть несколько дочерей, то первую зовут Клавдия Старшая, следующую – Клавдия Младшая. Затем приходится считать: Третья, Четвертая, Пятая... В списки граждан обязательно заносят имя отца и мужа женщины – как иначе отделить одну Клавдию от другой?

По этой причине римляне награждают людей прозвищами. Имя Гай Юлий ничего не говорит, но если добавить «Цезарь», станет ясно, о ком речь. Прозвище Цезарь, кстати, означает «косматый» – кто-то из предков великого диктатора был таким, хотя сам Гай Юлий, как известно, был лыс. После того, как приемный сын Цезаря, будущий император Август принял имя отца, Цезари в Римской империи стали множиться: каждый из последующих императоров считает долгом прибавить к своему родовому имени столь славное...

Я увлекся. Старики любят поговорить...

Я принадлежу к роду Корнелиев, но не патрицианской его ветви, из среды которой вышел завоеватель Африки Сципион, жестокий диктатор Сулла и прочие убийцы, чьими мерзостями так гордится Рим. Мой дед, Марк Корнелий, родился в бедной плебейской семье, основатель которой носил прозвище Назон, то есть «носатый». Носатые в нашей семье давно перевелись, но прозвище осталось. Семья Назонов, как тысячи других римских бедняков, десятилетиями жила на государственное пособие: получала бесплатно хлеб и масло, иногда деньги. Кроме того, Назоны состояли клиентами Эмилиев: те давали им деньги, одежду, а взамен Назоны, как и прочие клиенты, голосовали за Эмилиев на выборах и шумно поддерживали на форумах. Вы спросите, почему мои предки не пошли на службу к знаменитым Корнелиям, не стали греться в лучах славы патрицианского рода? Потому что Эмилии платили больше. И предки предпочли вкус хорошего вина и тепло жаровни, полной углей, эфемерной славе однофамильцев. Назоны издавна славились расчетливостью.

Мой дед стал первым в семье, кому надоела сытая, но скучная жизнь. Началась эпоха гражданских войн... После убийства Цезаря потомки знатных родов раздирали страну на части, и молодой Назон быстро нашел себя в этой смуте. Его патрона, сенатора Эмилия, внесли в проскрипционные списки и объявили награду за голову. Октавиан, в ту пору еще не Август, безжалостно расправлялся со своими врагами. Денег не жалел. Но не все прельстились его серебром. Случалось, даже рабы прятали своих господ, а затем помогали им скрыться. В Риме об этом знали. Испуганный Эмилий переоделся в лохмотья, пробрался ночными улицами и постучал в дверь потомственного клиента, умоляя спрятать его. Свою просьбу он подкрепил увесистым кошельком. Молодой Назон кошелек взял и Эмилия приютил. Но рано утром сбегал к Агриппе, правой руке будущего Августа... Излишне говорить, что денарии Эмилия доносчик оставил себе...

Получив награду за голову сенатора, дед почувствовал вкус и стал ревностно выискивать врагов Августа, обшаривая оцепеневший от ужаса Рим. В проскрипционные списки были внесены друзья несчастного Эмилия, а Назон, с детства сопровождавший бывшего патрона, хорошо знал их, но еще лучше – клиентов и рабов обреченных. Он находил приятелей в винных лавках и тавернах, не скупился на угощение, а когда вино развязывало языки, намекал, что знает, как безопасно пробраться в Сицилию или Испанию. О том, что он предал Эмилия, не знали, к тому же дед давал понять, что помогает обреченным за награду. Низменным устремлениям в Риме всегда верили охотнее, чем благородным, поэтому Назона сводили с затаившимися сенаторами. Дед требовал деньги вперед, яростно торговался, уверяя, что в такое сложное время нельзя верить обещаниям даже самых почтенных мужей, и это внушало еще большее доверие. Если у беглеца не было денег, Марк предлагал собрать их по друзьям и знакомым, терпеливо ждал, иногда неделями. Затем приходил ночью, забирал серебро и уводил патриция навстречу неизбежному концу. Дед решительно отметал все попытки обреченного взять с собой раба или клиента, замечая, что в таком случае за успех не ручается, так как вдвоем

выбраться из Рима куда проще, чем троим или четверым. Это было правдой, с дедом соглашались, и ему долго удавалось сохранять тайну. Рабам и клиентам убитого дед назавтра заявлял, что патриций благополучно покинул Рим, держит путь на юг с надежными документами почтенного купца, а как только доберется до места, обязательно вытребует к себе верных слуг.

Никто в Риме, кроме Марка Назона, не додумался получать плату от жертвы и палача одновременно. А ведь деду в ту пору было всего семнадцать! Но он рано потерял отца и мать, растила его бабушка, умершая, едва юный Марк примерил тогу, поэтому дед рано понял, что и почему в Риме.

Полгода в Риме царил ужас, и этого времени Назону хватило, чтобы разбогатеть. Марк не стал спускать деньги на роскошные пиры, как поступил бы на его месте другой выскочка, а вложил их с расчетом. В ту пору многие жаждали продать дома и уехать, но покупателей не было. Цены упали многократно, чем дед и воспользовался. Иногда хитроумный Назон просто выпрашивал себе имущество казненного. Серебра новой власти не хватало, продавать конфискованные дома было долго и хлопотно, и деду часто заменяли денежную награду выдачей недвижимости. Марк Назон стал владельцем десятка доходных домов, которые, как только смута в государстве миновала, выгодно перепродал. На вырученные деньги дед откупил у государства право сбора налогов в одной из дальних провинций и за год удвоил состояние. После этого откупил провинцию побогаче и снова удвоил капитал... Август еще не стал императором, страной правили триумвиры, мечтавшие поскорее зарезать соперников; никому не было дела до лихоимства откупщиков.

Дед умножал свое состояние несколько лет. Но как только новая власть окрепла, благоразумно отошел в сторону и даже отказался от должности, которую ему предлагали исхлопотать. Из прошедшей смуты Назон вынес твердый урок: люди при должностях – первые кандидаты на заклание. Тысячи патрициев веками боролись за право стать квестором, эдилом, претором или консулом, воссесть в сенате, важно расхаживать по городу в тунике и тоге с широкими пурпурными полосами. Те, кому должностей не досталось, копили злобу и устраивали заговоры. Хотя должности в Риме не оплачивались, а наоборот – стоили своим обладателям бешеных денег, стремление к ним было столь велико, что политических противников резали беспощадно. За деньги в Риме убивали реже. Особенно тех, кто не выставлял богатство напоказ. Император Август внес имя деда в список всадников, второе по значимости сословие в Риме после патрициев. Марк Корнелий Назон получил право носить тунику и тогу с узкой полосой пурпура, тем и удовлетворился. Ему это ничего не стоило: стать всадником мог любой римский гражданин, чье состояние было не менее четырехсот тысяч сестерциев. У деда были миллионы. И не медных сестерциев, а серебряных денариев...

Марк купил просторный дом в Риме, неприметный снаружи, но роскошный внутри, виллу за городом, завел рабов и стал наслаждаться жизнью. Денег оставалось много, дед стал ссужать их под проценты, получая стабильный и законный доход. Жить было хорошо. Но однажды, нежась в мраморном бассейне с горячей водой (общественные бани дед не любил – там можно было встретить родственников сенаторов, убитых с его помощью), дед вдруг подумал, что ему уже за сорок. Большая часть жизни позади, а после его смерти этой роскошью будет владеть не Назон, а какой-нибудь прощелыга, сумевший подольститься к императору и выпросить выморочное имущество. Ради кого тогда старался свежее испеченный римский всадник?! «Нужны наследники!» – решил дед и стал подыскивать жену.

В Риме Марк Корнелий Назон считался выгодным женихом. Среди плебеев. Даже многие всадники смотрели на выскочку косо, не говоря о патрициях! Но дед не боялся трудностей. Он хорошо знал, что и почему в Риме.

Сенатор Луций Пульхр был горячим сторонником Августа, за что, собственно, его и отметили тогой с пурпурной полосой. Кроме императора, сенатор обожал изысканные кушанья и римских прелестниц. Удовольствия стоили дорого, поэтому сенатор со временем продал

виллу, затем другую... Когда вырученные деньги закончились, Луций Пульхр стал их занимать. Так он познакомился с дедом. Должником сенатор был неаккуратным, ссуду возвращал не вовремя, но дед, обычно очень жестокий в таких случаях, по отношению к Пульхру держался любезно: Луций имел влияние в Риме и мог оказаться полезным. Долг сенатора рос, и пришло время, когда Назон решил, что деньги важнее. Он пригласил сенатора в гости, накормил изысканными яствами, а после пира достал расписки и потребовал немедленной уплаты долга.

Луций Пульхр едва не изверг из себя то, что перед тем с наслаждением заталкивал. Положение казалось безвыходным. Денег, чтобы рассчитаться с кредитором, у сенатора не было, занять не представлялось возможным – в Риме ему давно одалживал только Назон, а из имущества у Пульхры оставался только дом – богатый, с многочисленными рабами. Но потеря дома означала и потерю должности: Август требовал от сенаторов состояния в миллион двести тысяч сестерциев. Несостоятельных из сенаторских списков вычеркивал безжалостно. (Позже Август станет тайно помогать обедневшим, но в ту пору он был небогат).

Забыв, что перед ним презируемый выскочка, Пульхр стал умолять деда не губить его. Умолял он долго: дед умел подводить должников к крайней стадии отчаяния. Когда сенатор стал всхлипывать и растирать слезы по жирным щекам, дед ласково отер их чистой салфеткой. Затем сказал, что истребовать долг – святое право гражданина. Римский закон строг и беспристрастен в таких делах. Но если кредитор и должник – родственники...

Пульхр понял мгновенно. Еще вчера он с негодованием отверг бы саму мысль породниться с плебеем, но теперь об этом мечтал. Поэтому с искренней радостью обнял будущего зятя...

Свадьбу сыграли пышную. Закон запрещал римлянину тратить на свадьбу более тысячи сестерциев, но кто посмел бы упрекнуть в расточительстве сенатора? Хотя деньги были Назона, и он их не жалел: самые изысканные вина и кушанья, которые только можно было найти в Риме, подсластили родственникам невесты горечь неравного брака. Только сенатор весь вечер мрачно вздыхал. Не от жалости к юной дочери – на нее Пульхру было плевать. После церемонии в храме зять честно вернул долговые расписки, но предупредил сенатора: впредь денег ссужать не будет. Поэтому Пульхр горестно размышлял: где найти кредитора, который будет так же милостив? В семье сенатора подрастали еще две Пульхерии...

Если тесть грустил, то невеста радовалась. Накануне свадьбы Марк Назон пригласил семью сенатора в гости и показал невесте роскошный дом, в котором Пульхерии предстояло стать полноправной хозяйкой. Жених был учтив, любезен и дал ясно понять, какое счастье для него стать мужем такой почтенной девушки. К тому же Марк не выглядел стариком: статный, без единой седой пряди в густых черных волосах (цирюльник не пожалел краски), можно сказать, красивый. Пульхерии, выросшей в условиях суровой экономии (своих домашних сенатор не баловал), кружила голову мысль управлять таким богатством, поэтому ее мало заботило низкое происхождение мужа.

Дед был тоже доволен. Пульхерия сияла юной красотой, славилась строгим воспитанием – не в пример многим римским распутницам. Прежде чем сделать ее отцу предложение, от которого Пульхр не смог отказаться, дед навел справки – он никогда не заключал сделок, предварительно не просчитав варианты. Только в этот раз расчет оказался неверен.

Пульхерия, искренне любя мужа, не смогла удовлетворить его страстей. За годы холостяцкой жизни дед имел возможность познать искусство изощренных римских женщин и хотел того же от жены. Но строгое воспитание мешало ей. Пульхерия пыталась угодить мужу, но делала это без охоты. Вскоре Марк Назон стал пренебрегать семейным ложем. Через год после свадьбы Пульхерия родила мальчика, названного в честь именитого деда Луцием. Это был мой отец...

Рождение сына на короткое время сблизило супругов: как-никак желанный наследник! Но вскоре дед с обидой заметил, что мальчик на него совсем не похож. Голубоглазых и рыжих

в роду Назонов не водилось, да и Пульхры в своем вспомнить не могли. У деда не было причин подозревать Пульхерию в неверности – в дело явно вмешались боги, но их участие Назону не понравилось. Он забросил жену и стал проводить время с доступными женщинами. В Риме такое не было редкостью, и Пульхерия смирилась. Тем более что у нее был маленький Луций. Все бы шло своим чередом, не явись вдруг Корнелия...

Разбогатец, дед с удивлением обнаружил, как много у него родственников! Чуть ли не каждую неделю к нему являлся какой-то Корнелий, прося, а то и нагло требуя денег. Так вышло, что дед был единственным ребенком у родителей, двоюродные братья и сестры хоть и имелись, но жили где-то в провинции, поэтому поначалу дед с любопытством взирал на объявившуюся родню. Кое-кому он ссудил немного денег (просто так Назон не давал никому и ничего); не сумев вернуть долг, родственники исчезали навсегда, чему дед был только рад. Подозреваю, что одалживал он родственникам не без умысла, потому и не взыскивал с них долгов, хотя в других случаях действовал без пощады. Когда родственные визиты деду наскучили, он заплатил вольноотпущеннику из императорской канцелярии, и тот составил ему подробный список всех Назонов – до пятого колена. Привратнику дед велел при объявлении очередного родственника сверяться со списком, и всех, не отмеченных хозяином, отправлять восвояси без долгих церемоний.

Корнелия в списке отмечена не была, но привратник ее впустил. Когда дед увидел просительницу, то понял раба. Корнелии в ту пору минуло девятнадцать, она была матерью двоих мальчиков, и женская прелесть ее расцвела. Худошавая, стройная, с большими черными глазами и такого же цвета пышными волосами, она неудержимо привлекала мужские взгляды. Лицо ее трудно было назвать красивым: большой рот с пухлыми губами, вздернутый нос и острый подбородок в Риме, воспитанном на классических греческих пропорциях, прелестными не считались. Но сочетание столь неправильных черт в одном лице неудержимо манило. Оно обещало доступность. Худой, охромевший голубь влечет кошек больше, чем его жирный, но здоровый собрат...

Корнелия приходилась деду троюродной сестрой. Замуж ее выдали в четырнадцать, к восемнадцати она овдовела. Оставшись без средств, она некоторое время жила у родителей мужа, но те вскоре выгнали ее (как говорили злые языки – за недостойное поведение). Корнелия забрала детей и отправилась в Рим – к богатому брату. К несчастью, смутные времена миновали, дороги стали спокойными, и разбойники не встретились ей на пути...

С Корнелией Назон сговорился мгновенно. В тот же день он снял для нее дом, купил рабов и все, что необходимо для жизни достойной женщины, а после этих трудов остался ночевать у родственницы. Некоторое время дед жил на два дома, но потом решил, что так хлопотно. Аренда стоила денег, а Назон был расчетлив. Поэтому он перевез Корнелию с детьми к себе, таким образом став мужем сразу двух жен.

Но счастью деда воспротивилась Пульхерия. Она готова была терпеть любовные похождения мужа на стороне, но столь открытый разврат ее возмутил. Пульхерия вспомнила, что она дочь сенатора, и в резких выражениях потребовала убрать распутницу. В противном случае обещала развод.

Разводиться деду не хотелось. Уход Пульхерии означал бы, что деньги, подаренные ее отцу, пропали, к тому же влиятельный сенатор после развода становился врагом. Попытка убедить жену в том, Корнелия – всего лишь бедная родственница, которой дед покровительствует, не удалась; Пульхерия была не глупа и твердо стояла на своем. Отказаться от Корнелии Назон даже не помышлял. Ситуация казалась безвыходной. Разрешила ее сама Пульхерия – она внезапно умерла.

Злые языки приписали эту смерть Корнелии. Якобы и первый муж ее умер так же внезапно – как раз после того, как уличил жену в неверности. Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть эти слухи. Бабушка моя была молода, здорова, и смерть ее вызвала немало толков

даже в привычном к таким делам Риме. Сенатору Пульхру предлагали выдвинуть официальное обвинение и в рамках судебного процесса подвергнуть пыткам домашних рабов Назона – в Риме до сих пор считают, что раб говорит правду только под пыткой. Но обычай требовал предварительно выкупить рабов у хозяина. Денег у сенатора не было, и он сделал вид, что поверил зятю.

Корнелия стала полноправной хозяйкой в доме, но семейному счастью препятствовал пятилетний Луций – нелюбимый, но все же сын Марка Назона. Корнелия стала внушать деду, что мальчик совсем не его, что покойная Пульхерия родила того от кого-то другого, и что держать такого выроodka в почтенном доме означает позорить достойную семью. Старания ее не убедили Назона – в измену Пульхерии он не верил. Тем не менее, мальчик мешал. Можно было отослать Луция деду, но это означало бы полный разрыв отношений с сенатором. Странная смерть Пульхерии и без того обострила их. Но мой дед был находчив...

Как нарочно, в те дни к нему явился очередной Корнелий. Это был отставной легионер по имени Публий, и деду он доводился двоюродным дядей. С юных лет Публий пошел в армию, служил ревностно, но дослужился только до опциона, то есть помощника центуриона. После двадцати пяти лет муштры и походов Публий получил отставку и вернулся в Рим в надежде исполнить долгие годы лелеемую мечту: купить домик, пару рабов и жить в довольстве, пока боги не призовут его к себе. Однако выяснилось, что сбережений опциона и выплаченных ему при увольнении денег недостаточно для исполнения мечты. Публий почесал затылок и явился к богатому родственнику – в надежде, что тот не откажет ветерану.

В другое время Публий ушел бы ни с чем: если дед не церемонился с сенаторами, что значил для него ветеран? Но бывшему опциону повезло. Со свойственной ему находчивостью Назон мгновенно сплел узлы на концах двух веревочек. Незадолго до описываемых событий он стал владельцем скромного дома с небольшим участком земли в Кампании – это был залог несостоятельного должника. Деду дом был не нужен, продавать его было хлопотно, а тут явился родственник... Дед предложил дом Публию при условии, что опцион заберет сына. Разумеется, дед объяснил это желанием воспитать мальчика в старых римских традициях, чего в развращенном Риме добиться невозможно. Император Август всячески способствовал возрождению старого римского духа, поэтому дед, отсылая сына в деревню, выглядел не самодуром, а достойным гражданином. Но хитроватый Публий (он был тоже из Назонов) почувствовал, что дело нечисто. Поэтому потребовал десять тысяч денариев в год и пять рабов. Торг был стихией деда, и он сбил цену. Условились на тысячу денариев и двух рабов. Публий все равно остался доволен. За тяжелую службу в легионе ему платили вдвое меньше, а тут всего лишь присмотреть за мальчишкой... Ему приходилось командовать сотней отчаянных голов, а тут только одна рыженькая...

Публий выбрал из домашних рабов деда грека Амфитриона и молодую гречанку Беренику. Обоих он предварительно расспросил и выяснил, что Береника хорошо готовит, а Амфитрион был сыном фермера и любит сельский труд. Подозреваю, что Береника приглянулась Публию не только своим поварским искусством... Как бы то ни было, но, получив задаток, Публий погрузил в нанятую им повозку свои небогатые пожитки, вещи мальчика и рабов и отправился в Кампанию. Осторожный дед на всякий случай выдал родственнику только доверенность на управление имуществом, а сам домик с участком и рабов перевел в собственность малолетнего сына.

По римским законам даже взрослые дети не имеют права владеть недвижимым имуществом при жизни отца. Поэтому Марк Назон оформил Луцию «эманципацию», официально освободив сына от родительской опеки. В Риме так поступали с недостойными детьми, поскольку «эманципацию» лишает сына прав наследования. Применение такой процедуры к маленькому Назону не могло не вызвать удивления у чиновников городского магистрата, но

дед умел справляться с такими затруднениями. В ту пору он, видимо, радовался своей находчивости. Человеку часто кажется, что он умнее судьбы...

Публий Корнелий Назон был добросовестным служакой. В легионе за денарии императора он честно платил потом и кровью, деньги богатого родственника тоже отработал сполна. К тому же маленький Луций был ему не чужим. В шесть лет мальчик пошел в «лудус», начальную школу, после окончания которой перешел в «грамматику» (среднюю школу), где получил отличное образование. То есть знал начала философии, географии и геометрии, полный курс римской истории. Публий ревностно следил за учебой внучатого племянника. К четырнадцати годам тот прилично писал на латыни и греческом, достойно говорил на обоих языках, как то надлежит образованному римлянину. Публию жилось хорошо. Амфитрион весь день работал в поле (два раза в сезон отставной опцион нанимал в помощь ему временных работников), Береника хлопотала на кухне, творя любимые кушанья хозяина; ночами она же доставляла хозяину другие удовольствия. Публий завербовался в легионеры семнадцатилетним, после двадцати пяти лет службы он был еще здоров и способен к любви. Что подтверждали дети, которых Береника рожала чуть ли не ежегодно, увеличивая тем самым имущество молодого хозяина – как известно, дети рабыни остаются рабами, кто бы ни был их отцом. Публию быстро наскучило безделье, и он решил поучаствовать в воспитании Луция. Обучить он мог только воинскому делу, ибо сам едва читал. Зато ремесло воина Публий знал отменно: опцион в легионе как раз занимается муштровкой солдат, случайному человеку такое важное дело не доверят. Публий собственноручно смастерил Луцию деревянные меч и щит, выстрогал несколько дротиков, скроил из воловьей кожи простенький панцирь и приступил к занятиям.

Военное дело Луций постигал куда охотнее, чем спряжение латинских глаголов. Старик и его воспитанник часами метали дротики в сплетенную из лозы мишень, дрались на деревянных мечах, а когда Луций подросток, дротики и мечи стали настоящими.

– Ты дерешься, как настоящий солдат! – хвалил Публий воспитанника. – Даже лучше! Ты вполне мог бы стать опционом, только надо прослужить лет десять. Молодых на такие должности не назначают.

Публий ошибся, что подтвердили последовавшие события.

Марк Корнелий Назон сына не навещал, хотя деньги Публию присылал исправно. В первое время отставной опцион вел тщательный учет расходов на случай, если хозяин спросит, но потом забросил. Участок земли при доме давал постоянный доход, жизнь в деревне была дешевая, поэтому две трети из присылаемой тысячи денариев Публий откладывал про запас. Но воспитанник у него был исправно одет и обут, накормлен и здоров – как и надлежит солдату у хорошего командира. К тому же Публий любил Луция куда сильнее детей Береники. Те ведь были рабами по рождению, а Луций – потомком старинного рода...

Отец не приехал к Луцию, когда мальчику исполнилось четырнадцать, и пришло время объявлять его взрослым. Тогда Публий, как ближайший родственник, сам вывел юного гражданина на сельский форум и надел на него тогу. Формально это означало окончание детства, хотя по-настоящему оно для Луция закончилось через два года. В мирный домик в Кампании пришло известие о смерти Марка Корнелия Назона...

Дед умер внезапно, как и его несчастная жена. Ему было шестьдесят, выглядел он крепким и сильным мужчиной, потому смерть эта возбудила толки. Вновь обвиняли в отравлении Корнелию, но не нашлось человека для возбуждения дела в суде. В Риме с таким обвинением выступают близкие родственники, но близкими Назону давно стали сама Корнелия и ее дети.

Получив известие о смерти отца, Луций мгновенно собрался и отправился в Рим. Публий вызвался его сопровождать. Отставной опцион предвидел, что юноше придется нелегко, и решил не давать воспитанника в обиду. Публий не пожалел денег возчику, и они домчались за день. Дорогой Луций составлял погребальную речь. Он смутно помнил отца и тяжело переживал его холодность, но смерть отодвинула это далеко. По римским традициям речь на похоро-

нах говорит старший сын, и Луций, сидя в повозке, вспоминал примеры красноречия, которые преподавали ему в «грамматике», и сплетал величественные слова в возвышенный монолог.

Родной дом встретил путников запертой дверью. Оба принялись в нее колотить, и к ним вышла женщина в черном траурном одеянии. Луций не сразу узнал ненавистную ему Корнелию (он не видел ее одиннадцать лет), а узнав, нахмурился.

– Чего вам надобно? – недовольно спросила женщина.

– Я Луций, сын Марка Корнелия Назона, – сердито сказал мой отец. – Мы приехали на похороны.

– Уже похоронили! – насмешливо ответила Корнелия. – Могила – у Аппиевой дороги, последний саркофаг по правой стороне. Найти легко. Можешь отнести венок.

Корнелия повернулась, чтобы уйти, но Публий остановил ее.

– Перед тобой, женщина, стоит новый владелец этого дома! – сказал он, насупившись. – Как ты смеешь держать его на пороге?!

– Ему здесь ничего не принадлежит! – усмехнулась Корнелия и захлопнула за собой дверь.

Крякнув от злости, Публий велел Луцию ждать его, а сам побежал к городскому магистрату. Вскоре он вернулся с чиновником и двумя солдатами. По всему было видно, что все трое получили от Публия поощрение, потому что рьяно принялись колотить в дверь. Корнелии пришлось не только открыть, но и впустить всех внутрь. Попросив незваных гостей подождать в триклинии, она ушла, но скоро вернулась с небольшим свитком в руках. Протянула его чиновнику.

Тот вначале пробежал текст глазами, а затем стал читать вслух. Это было заявление Марка Корнелия Назона об «эманципации» сына.

– Документ подлинный, – сказал чиновник, закончив чтение и рассматривая пергамент. – Текст написан покойным собственноручно, что подтверждают свидетели, приложена печать.

– А где завещание? – спросил Публий. – Не может быть, чтобы мой племянник обидел единственного сына!

Корнелия метнула на него злобный взгляд.

– Завещания нет, – сказала она, – можете справиться в храме Весты.

– Вам придется уйти, граждане, – сказал чиновник, вернув свиток Корнелии. – Этот дом вам не принадлежит.

На улице Луций побежал прочь, но Публий нагнал его и уговорил не спешить. Он оставил отца в гостинице, а сам пошел по инстанциям. Он нашел дарственную Луцию на дом, участок земли и рабов, чем был неприятно удивлен, так как считал все это своим. Будучи человеком честным, Публий вручил документ Луцию, но это было все. В храме Весты, где римляне хранят свои завещания, подтвердили, что Марк Корнелий Назон к ним не обращался... Публий сказал, что ему, пожалуй, стоит нанять хорошего адвоката – он ведь тоже родственник покойного и может потягаться за наследство, но Луций так посмотрел на него, что старик прикусил язык. Он любил своего рыженького и не решился его огорчить.

Вечером следующего дня Луций и Публий сидели за столом в своем домике и долго беседовали. Как равные. После смерти отца римлянин приобретает право самостоятельно распоряжаться своим имуществом и судьбой, но Луций приобрел это право давно и собирался им воспользоваться. Ему принадлежали домик с участком земли, Амфитрион и Береника с детьми, но покойный Марк Назон обещал их Публию. Как бы ни поступил по отношению к нему отец, но воля покойного священна. На следующий день Луций, Публий, Амфитрион и Береника отправились к местному магистрату. Дом с участком земли стал собственностью Публия, Амфитрион и Береника с детьми получили свободу, а Луций стал владельцем тысячи денариев. На эти деньги в лавке кузнеца приобрели полный комплект вооружения legionera: панцирь из воловьей кожи, покрытый броней из железных колец, только-только начинавший входить в моду

стальной шлем вместо бронзового, крепкий щит, острый меч, кинжал, два дротика, солдатские тунику, плащ и тяжелые, подбитые железными гвоздями, сандалии – так называемые калиги. Публий лично выбрал каждую деталь снаряжения, придирчиво оценивая и качество металла, и кожаный подбой панциря, баланс меча и дротиков.

– В легионе за все надо платить, да и выдадут дешевое, – говорил он, перебрасывая меч из руки в руку. – Там не выберешь! Хороший меч – лучший друг солдата...

В конюшне торговца лошадьми Публий выбрал молодого, крепкого мула и долго торговался с хозяином, призывая богов обрушить свой гнев на неуступчивого. Торговца это ничуть не смутило, и Публий, скрепя сердце, ударил по протянутой грязной руке. Денег после всех покупок осталось еще много, и Луций хотел вернуть их Публию, но тот отказался.

– В легионе пригодятся! – сказал, отталкивая протянутый кошель. – Центуриона подмаслить, ребятам из контуберния амфору вина поставить, чтоб не злобились. Без денег на службе никак...

Вечером новый хозяин домика устроил прощальный пир, впервые пригласив за стол вместе с собой двух новоиспеченных римских граждан: Марка Корнелия Назона (бывшего Амфи-триона) и Пульхерию (бывшую Беренику). Луций не захотел, чтоб гречанка стала Корнелией. Вольноотпущенники за столом не засиделись: выпили по чаше вина и скромно удалились, оставив родственников одних. Публий, захмелев, долго рассказывал Луцию про свою жизнь в легионе, царящие там нравы и то, как следует вести себя новобранцу, если он хочет сохранить спину от суковатой палки центуриона...

2

Легионы завоевали Риму мир. Они принесли ему славу, земли и богатство. Народы трепещут, заслышав грохот сандалий легионеров, чем Рим очень гордится. Удивительно, но римских солдат нельзя назвать самыми сильными и храбрыми: есть много народов, чьи воины куда отважней. Тем не менее, римляне покорили их. Потому что дисциплинированны, организованны и упорны. Их войско устроено настолько правильно, что нет необходимости иметь великих полководцев. История бесчисленных войн – тому свидетельство.

Римляне разумно использовали в армии кипучую предприимчивость своего народа. Империя платит легионеру двести двадцать пять денариев в год, и этим ее забота о солдате исчерпывается. На эти деньги легионер покупает себе вооружение, одежду, еду, откладывает на пирушки по случаю многочисленных праздников, на будущее увольнение и похороны случае гибели в бою. (Римляне страшатся остаться не погребенными, поэтому тела казненных преступников бросают в Тибр – для многих это куда большее наказание, чем сама смерть).

Армия римлян устроена настолько просто, что я дивлюсь, почему это никто не заимствовал. Видимо, дело в дисциплине. Варвары, парфяне, иудеи и другие народы не любят подчиняться даже своим вождям; в этом их слабость. Они бросаются в битву, горя яростью, но, натолкнувшись на несокрушимый строй железных воинов, отступают или бегут.

Самое мелкое подразделение римской армии – контуберний. Это восемь солдат, которые живут в одной палатке, вместе спят, едят, работают и сражаются. После нескольких лет такой жизни они становятся больше, чем братьями, и в бою каждый из легионеров сражается прежде всего за своего товарища, а не за далекий Рим. Если кто струсит и убежит, его убьют свои же; и ни один военачальник не будет препятствовать. Десять контуберниев составляют центурию, шесть центурий – когорт, в легионе – десять когорт. Вот и вся организация. Есть, конечно, в легионе госпиталь с врачами, писцы (римляне любят все записывать), архитекторы (армия много строит), кузнецы, шорники... Но их куда меньше легионеров, к тому же они не воюют.

Мой друг Аким, о котором я расскажу дальше, говорил, что в его далекой стране армия организована наподобие римской. Контуберний у них называется «отделение», центурия – «рота», когорта – «батальон», легион – «дивизия». Он даже выписал мне эти названия латинскими буквами: *otdelenie, rota, battalion, divisia*. У них эта «*rota*» имеет в своем составе части крупнее контубернии, которые называются «взвод», *vsvod*. По численности этот взвод равен турме в римской коннице, но мне кажется, что в пехоте такое деление излишне. В стране Акима все военачальники называются «командир»; соответственно – «командир роты», «командир батальона», «командир дивизии». Слишком длинно. У римлян куда проще: центурион, трибун, легат...

Я опять увлекся...

Спустя две недели после того, как Луций Корнелий Назон оставил дом, в котором вырос, он въехал в ворота лагеря Пятого легиона, носившего прозвище «Жаворонок». Этот легион некогда сформировал сам Цезарь для нужд гражданской войны, его воины украшали шлемы перьями, за что и получили свое прозвище. Теперь «жаворонок» стояли на Рейне и охраняли римскую Галлию от орд буйных германцев.

Отец выбрал «жаворонок» не за славную историю – были и куда более именитые легионы. Пятым командовал легат Секст Пульхр, младший брат сенатора Пульхра, деда Луция. Римляне чрезвычайно чтят родственные узы (если это не препятствует их личным интересам) и готовы помочь члену семьи, когда это им ничего не стоит. Моему отцу шел семнадцатый год, но он это знал. Он был тоже Назон.

В легион можно поступить и в Риме – для этого вовсе не обязательно ехать в Галлию. Тебя внесут в списки, выдадут подъемные, и в составе команды таких же новобранцев препроводят в

лагерь. Обычно так и бывает. Но, подписав обязательство легионера, ты становишься солдатом. Ты не сможешь пойти к легату без разрешения центуриона, а центурион такого разрешения новобранцу не даст. Ослушаешься – и тебя высекут на площади перед преторием, и легат такую расправу только одобрит. Дисциплина в армии превыше всего.

Часовым у ворот лагеря дед назвал свое имя и попросил препроводить его к легату. Секст Пульхр принял родственника. Дед честно рассказал о своей беде, и легат одобрил намерение Луция поступить в легион. Секст был младшим братом в многочисленной семье Пульхров, его карьере в Риме мешали старшие, к тому же в должности легата есть свои преимущества. Ты пребываешь в сенаторском достоинстве, то есть носишь ту же тогу с широкой красной полосой, к тому же практически бесконтрольно распоряжаешься огромными суммами, выделяемыми империей на содержание легиона. За тобой шесть тысяч солдат, готовых на все по твоему повелению, поэтому наместник провинции разговаривает с тобой почтительно...

Легат вызвал к себе центуриона Квинта, указал ему на деда и велел опекать нового легионера, сына всадника и своего родственника. Квинту не нужно было объяснять дважды. Он привел отца в палатку, где жили семеро новобранцев, и представил им контубернария. Так началась служба отца в армии.

В его контубернии все легионеры были старше отца и поначалу недружелюбно косились на «мальчишку». Но отец не зря слушал советы Публия, и при первом удобном случае купил товарищам амфору вина, вареной говядины, свежих лепешек, и те подобрали. Сослуживцы Луция были из бедноты и вольноотпущенников, неумелые и необразованные, а «мальчишка» владел оружием лучше многих опытных легионеров. Сын всадника, он не чванился происхождением, вместе со всеми копал землю, носил бревна, выполнял другие тяжелые работы, первым хватая лопату или топор, – солдаты это замечают. Луций не жалел времени, помогая товарищам овладеть мечом и дротиком. Его контуберний скоро стал первым в центурии, поэтому его товарищей меньше муштровали и наказывали. Скоро легионеры из других контуберниев, вначале посмеивавшиеся над подчиненными «мальчишками», стали им завидовать. Когда людям завидуют, они начинают гордиться. В легионе отец получил кличку «Руф», то есть «Рыжий», и товарищи стали звать его ласково «наш Руф».

Чтобы сделать из овчара или волопаса хорошего солдата, нужен минимум год, и весь этот год новобранцев усиленно готовили. Граница с германцами была беспокойной, Пятый легион нес тяжелые потери в стычках с варварами, поэтому новобранцы составляли пятую его часть. Вскоре им выпало принять сражение.

Обозленный частыми набегами германцев, наместник Галлии отдал приказ вторгнуться на их территорию и примерно наказать варваров. Пятый легион навел наплавной мост через Рейн, ранним утром перешел на территорию врага и быстрым маршем двинулся к ближайшему селению. Центурию из новобранцев под командованием опытного Квинта оставили охранять переправу, наказав: ждать подхода вспомогательных войск из пограничной стражи, передать им пост и двигаться вслед легиону. Пограничники явились только к полудню, центурион Квинт, ворча на запоздавших, снял своих солдат и быстрым шагом повел строй по проторенной легионом дороге. Центурия углубилась в лес миль на пять, когда на нее напали.

Германцы любят засады. В открытом поле они не могут на равных сражаться с римским войском, даже если их больше. Поэтому варвары долго выслеживают врага, устраивая ловушки оторвавшимся от легиона передовым или отставшим частям. Центурион Квинт был опытным воином, но даже он не мог предположить, что при виде римлян, вторгшихся на их земли, германцы не побегут, а оставят отряд в тылу. В своей ошибке Квинт убедился лично. Пущенная с вершины высокого дуба стрела пробила ему шею прямо над краем панциря. Квинт осел на дорогу. Рядом с лязгом упал опцион, которому повезло меньше: стрела попала ему в глаз.

К счастью для римлян, лучников у германцев оказалось мало; иначе они перебили бы половину центурии, прежде чем солдаты, потерявшие обоих командиров, пришли в себя. И без

того новобранцы растерялись, услышав дикие вопли бегущих из леса врагов. Первым нашелся юный Руф.

– За мной! – закричал он, увлекая центурию вперед.

Солдаты подхватили раненого центуриона (опциона спасать было поздно) и, что есть сил, рванули за отцом. Это не было бегством. Лучший контуберний центурии всегда идет впереди, и Луций издали приметил, что лесная дорога выходит на поляну, а на ней виднеется возвышенность с несколькими дубами на макушке.

Германцы не поняли маневра римлян, они видели лишь, что те убегают. Поэтому еще сильнее заулюлюкали и завопили, устремившись следом. Нет ничего слаще, чем колоть и рубить бегущего в панике врага...

Луций с товарищами успел. Подгоняемые страхом, legionеры взлетели на холм, когда от преследователей их отделял полет стрелы. На вершине Луций мгновенно развернул центурию лицом к врагу, и германцы вместо спин убежавших вдруг увидели ровный ряд зеленых щитов. От неожиданности они стали останавливаться, и это дало Луцию возможность правильно организовать предстоящий бой.

Возвышенность на поляне была небольшой, к тому же наверху росли деревья, и это не давало возможности выстроить legionеров в несколько рядов, как то требует наставление. Луций увел товарищей из леса, чтобы германцы не перебили их, метая дротики и стреляя из луков из-за деревьев (пригодились советы старого Публия), а здесь он вдруг подумал: почему бы не перенять германскую тактику? «Наш Руф» отдал приказ. И хотя «сигнифер», знаменосец центурии, третий начальник после центуриона, был жив, он не стал препятствовать.

Луций отгородился от врага одним рядом legionеров, отобрав самых крепких и умелых в рукопашном бою. (Отец хорошо знал, на что способен каждый в его центурии.) Позади он поставил лучших метателей, велел остальным воинам передать им дротики. Тем временем германцы опомнились и, подгоняемые огромным рыжебородым верзилой, своим вожаком, плотной толпой ринулись на римлян.

Правильно выбранная позиция приносит войску победу – этому Луция учили еще в «грамматике». Теперь он убедился в этом воочию. Воин, бегущий в атаку вверх по склону, уязвим. Он невольно прижимает щит к себе, хотя в бою его следует держать на вытянутой руке; он не может легко увернуться от летящего в него копья, так как тело его наклонено вперед, и воин тратит много сил для сохранения равновесия.

Когда германцы приблизились, Луций, а следом и другие legionеры, метнули дротики. Римский «пилум» – страшное оружие. У него длинный и тонкий железный наконечник, а там, где он крепится к древку, есть свинцовый шар для усиления удара. Пробив щит, такой наконечник не застревает в дереве, а проскальзывает к телу. Если держать щит на вытянутой руке, можно уцелеть. Но германцы их к себе прижимали...

Первый ряд нападавших, пораженный дротиками, покатился вниз, мешая другим. Германцы стали перескакивать через тела убитых и раненых, произвольно отводя щиты в сторону и открываясь врагу. Луций с товарищами метнули дротики снова, затем еще и еще... Германцы стали замедлять бег и уже не так решительно поднимались к вершине, откуда летела смерть. Два десятка все же добежали до зеленых щитов, но из-за них врагам ударили пилумами в лицо – Луций с товарищами действовали дротиками, не выпуская их из рук. Германцы, защищаясь, стали поднимать щиты, и legionеры из переднего ряда кололи их мечами в открытый пах или живот...

Не выдержав, германцы отхлынули, оставив на склоне с полсотни убитых и раненых. Воспользовавшись сумятицей, legionеры быстро собрали дротики и копья, добились раненых врагов и вернулись на вершину.

Неудача ненадолго обескуражила варваров. Их было много, им противостояла жалкая центурия, и раздосадованный вождь не мог позволить себе уйти. Он перестроил свое войско

и вновь двинулся на врага. В этот раз германцы не бежали, а поднимались шагом, держа щиты на вытянутой руке. К тому же вождь поставил в передние ряды воинов с большими щитами, закрывавшими все тело.

Луций понял, что враг, добравшись до груды убитых, станет бросать оттуда копья и дротики, поэтому дал приказ центурии идти на врага. Пройдя половину расстояния до тел убитых германцев, легионеры вновь стали метать дротики. Теперь наступающие были вынуждены бросать щиты с застрявшими в них пилумами. Не многие из германцев имели панцири, да и панцирь из железных колец – плохая защита от пилума. Груда тел убитых врагов росла, мешая другим двигаться вперед. Германцы тоже стали метать копья в римлян, но бросать вверх намного труднее. Их копья летели не так прицельно, да и били в щиты римлян не сильно. Если копье застревало в нем, легионеры меняли товарищу из переднего ряда щит, из пробитого вытаскивали копье, которое тут же отправляли обратно.

Трупы убитых варваров мешали живым. Скоро германцы остановились. Противники стояли друг против друга в двадцати шагах, поражая друг друга копьями и дротиками. Римляне метали прицельнее. Вождь германцев понял, что он попросту теряет людей. Подняв над головой топор, он издал боевой клич и ринулся на врага, решив одним стремительным натиском опрокинуть упорных римлян. Варвары устремились следом. Первый ряд их poleg под римскими дротиками, но остальные во главе с вождем добежали. Однако предводитель германцев не успел обрушить свой топор на шлем ближайшего римлянина. Луций хладнокровно взмахнул трофейным германским копьем, и широкий, острый наконечник распорол шею вождя до позвонков. Верзила с топором рухнул ничком, а набежавших врагов римляне взяли в мечи.

Широкий римский «гладиус» не предназначен для рубящих ударов, им колют. При рубке солдату надо сделать широкий замах, противник его видит, поэтому легко может прикрыться щитом или отскочить. К тому же страшные на вид рубленые раны успешно заживают. Колющий удар из-за щита молниеносен. Лезвию достаточно войти в грудь или живот врага на ширину ладони – и тот обречен...

Многие из добежавших до римлян германцев были с маленькими щитами, а то вовсе без них, и центурия Квинта, вопя от боевого исступления, колола врагов, пробивая тяжелыми лезвиями панцири и нагрудники, вонзая безжалостную сталь в разгоряченные тела... Стоявшие во втором ряду легионеры действовали копьями из-за спин товарищей, а варвары так не могли: их передний ряд, стоявший выше, заслонял врага. Германцы теряли убитыми ряд за рядом, их вождь пал, и скоро они ослабили напор, а затем и вовсе покатались вниз...

Если первый приступ центурия Квинта отбила без потерь, то во время второго погибло одиннадцать легионеров, два десятка были ранены. Германцев полегло много больше, но их оставалось еще несколько сотен против тридцати способных держать оружие римлян. Еще одна – две атаки, и центурия погибнет – Луций это понимал.

Но атак не последовало. Германцы не ушли, они всего лишь отступили и стали советаться, крича и размахивая руками. Они выбирали вождя взамен убитого. У варваров это длится долго – слишком много желающих стать во главе. В легионе римлян убитого военачальника сменяет следующий за ним – вплоть до рядового легионера. И происходит это мгновенно, поэтому центурии и когорты не попадают в ловушку, как то случилось с германцами. Занятые спорами, они не заметили, как на дороге показалась когорта вспомогательных римских войск, и конные галлы, развернувшись, стремительно ударили по врагам...

Как выяснилось позднее, бой центурии Квинта с германским отрядом увидел гонец, скакавший из легиона к переправе. Ему удалось не замеченным проскользнуть мимо варваров, не сообразивших выставить пост на дороге, гонец прискакал к мосту и привел пограничников. Галлы перебили с сотню германцев, остальные убежали. Луций со своими легионерами помог преследовать врага, а после боя с поклоном поднес префекту когорты массивное золотое ожерелье, снятое с убитого вождя.

– Золото оставь себе! – ответил тот, показав в улыбке белые зубы. – Мы заберем оружие. Моим галлам платят мало, и они не могут купить себе хорошие мечи и доспехи. Здесь их много...

Хотя разгромили германцев галлы, вся слава досталась римлянам. Поход Пятого легиона выдался не слишком удачным, германцы вовремя заметили врага и убежали, успев сжечь свои дома, поэтому добычи не было, пленных тоже. Следовало как-то оправдать неудачу, и беспримерный бой центурии новобранцев с огромным отрядом германцев хорошо ложился в текст победной реляции. Всем подчиненным Квинта выдали по годовому жалованью, наиболее отличившимся вручили позолоченные круглые медали с головой бога Марса для ношения на панцире, а Луций заменил убитого опциона. Это был невиданный случай (всего через полтора года службы, в восемнадцать лет!), но за Руфа горячо ходатайствовал выживший центурион, который считал отца своим спасителем, за него хлопотал и легат Пятого легиона. Наместник провинции назначение утвердил. Он ведь сам доносил в Рим о геройском сражении...

Через три года центурион Квинт уволился из легиона по выслуге лет, и Луций Руф наследовал его должность. Он оказался самым молодым центурионом не только в легионе, но и в провинции. Отец стал носить посеребренный кованый панцирь вместо кольчужного и такие же поножи. Это обошлось ему в половину годового жалованья. Для центурии он устроил пирушку, но назавтра, выстроив своих легионеров, показал им суковатую палку из виноградной лозы, с которой центурионы не расстаются, и пообещал, что любой, кто нарушит дисциплину или будет нерадив, станет носить на своей спине следы от лозы. Солдаты поняли. Вскоре центурия Луция стала лучшей в легионе. А спустя три года Секст Пульхр вызвал отца и предложил ему должность префекта вспомогательной когорты – той самой, галльской.

Если центурионами в легионе становятся простые солдаты, то когортами командуют выходцы из знатных семей. За место трибуна идет борьба, без высоких покровителей занять его трудно. Луций Руф был всадником всего лишь во втором поколении, легат ценил его, но трибунов назначал наместник провинции...

Легионы – скелет римской армии, они обходятся империи недешево, поэтому их берегут. Другое дело «ауксиллии» – вспомогательные войска. Их набирают в провинциях из неграждан, которым платят втрое меньше, чем римлянам. Ауксиллии первыми идут в бой, несут большие потери, но империю это мало волнует. Желających занять место убитых хватает: в провинциях полно бедноты, а солдат вспомогательных войск сыт, обут и одет, к тому же по окончании службы становится полноправным римским гражданином. У сенаторских сынков командовать ауксиллиями считается непрестижным, к тому же это опасно. Куда приятнее жить в лагере за надежной оградой, проводить время в пирах и прочих развлечениях, а всю черновую работу в когорте свалить на центурионов.

Отец получил в подчинение пятьсот пехотинцев и сто двадцать всадников. Все они были галлами и, следовательно, отличными солдатами. В свое время Цезарь пролил реки римской крови, покоряя галлов; приняв владычество Рима, галлы сохранили свою отвагу, проявляя ее теперь на службе империи. Буйные германцы и фризы регулярно приходили в Галлию грабить, они сжигали селения и уводили в плен жителей, поэтому галлов не приходилось уговаривать сражаться с врагом. Когорта Луция почти не знала отдыха. Варвары обычно переправлялись через Рейн малыми отрядами, численностью в две – три сотни. Молодые германцы, которым становилось скучно сидеть в своих лесах, были отважны, но неопытны. Получив извещение об очередном набеге, Луций проводил разведку, выставлял пехоту в заслон, а конные галлы неожиданно нападали на германцев. Завидев вдалеке галльские турмы, германцы поспешно отступали, не желая рисковать жизнями и захваченной добычей. Но у переправы их ждала галльская пехота... В дело шли пилумы, обнажать мечи ауксилариям приходилось не часто. Пленных германцев вязали и отправляли в легион, где квестор или префект претория выводил их на торги. При Августе империя не захватывала новых земель, и рабы были в цене. Луций

получал свою долю добычи, которую раздавал солдатам; галлы его за это боготворили. К тому же он делил с солдатами тяготы беспокойной пограничной службы, ел с ними из одного котла, спал, как они, на голой земле, завернувшись в плащ, – немногие римляне вели себя так же.

Однажды, когда когорта отца, как обычно, перехватила ватагу германцев, на нее напали сзади. Позже выяснилось, что в набеге участвовал сын германского вождя, его отец встретился, что сына долго нет, и с тысячей лучших воинов переправился за Рейн. Пospел он вовремя. Галлы уже использовали пилумы и готовились вязать разгромленных грабителей.

Стремительный удар варваров разрезал когорту на две части, в образовавшийся проход выскользнул сын вождя с остатками ватаги; соединившись, германцы дружно навалились на ауксилариев. Отец пытался наладить оборону, но у германцев были копья, а у галлов – только мечи. Исколотый копьями, отец упал, и германцы уже ревели от радости, предвкушая захват знамени и значков когорты – редкий и потому особо чтимый варварами трофей.

Положение спасла галльская конница. Она с такой яростью врубилась в толпу германцев, что те не выдержали и откатились. Под прикрытием всадников когорта перестроилась, ошети-нилась подобранными трофейными копьями, и у германцев отпала охота сражаться дальше. Поле боя осталась за галлами, но это была пиррова победа. Германцы беспрепятственно ушли, а когорта понесла невиданные потери: каждый второй был убит или тяжело ранен. Отца привезли в лагерь легиона бездыханным, неделю он лежал в беспамятстве, и все решили, что Луций Корнелий Назон отдал жизнь за империю. Когорту возглавил новый префект.

Но отец очнулся. Он долго болел, и только спустя полгода почувствовал себя способным встать в строй. Но его должность была занята, а вакантных в легионе не было. Не идти же недавнему префекту в рядовые легионеры!

Римляне – большие бюрократы. Их государственная машина работает исправно; ты получаешь свое, если сумел стать ее частью. У отца не было должности, следовательно – и жалованья. Оставить легион он не мог: ничего другого, кроме как воевать, Луций Корнелий Назон не умел. Легионер приносит присягу императору и обязан служить двадцать пять лет. Префект когорты, если Рим в нем не нуждается, может уйти. Только вот куда? Пока у отца были деньги, он терпеливо ждал случая. Но деньги закончились, и он обратился к легату.

– Ничего не могу сделать! – ответил ему Секст Пульхр. – В легионе вакансий нет. Я писал о тебе наместнику Галлии, но он ответил, что у него нет для тебя должности. Ты знаешь: прежний наместник умер, новый враждебен нашей семье, к тому же у него полно родственников...

– Что ж мне, в гладиаторы идти? – вскричал раздосадованный отец.

Легат посмотрел на него с интересом.

– Это мысль! – сказал он с улыбкой...

При Августе в обширной Римской империи воцарился мир. Государство и его граждане богатели, жаждали развлечений, и спрос на хороших гладиаторов возрос невероятно. Частные гладиаторские школы множились, поскольку приносили огромный доход. Владельцу ее, ланисте, достаточно было дважды сдать гладиаторов в наем, и он окупал расходы. В играх погибал один из восьмерых бойцов, уцелевшие приносили чистую прибыль. Дороговизна гладиаторов привела к созданию императорских школ (Август часто устраивал роскошные игры для граждан), следуя примеру императора, школы стали заводить легионы. Им это не стоило дорого. Рабов захватывали в стычках с врагами, содержание их обходилось дешево, требовался только хороший инструктор по фехтованию и умелый начальник.

Отец возглавил гладиаторскую школу легиона и скоро сделал ее лучшей в провинции. Гладиаторы Луция неизменно побеждали в боях, отец получал хорошее жалованье, но положение ланисты его тяготило. Так удачно начавшаяся военная карьера прервалась на полпути, трибуны из легиона возвращались в Рим, оттуда приезжали новые, а отец все готовил своих рабов. Казалось, так будет продолжаться вечно, но внезапно один случай все изменил.

В главный город Галлии, Лугдунум, приехал император Август. Несмотря на свои семьдесят лет, он любил путешествовать, а Лугдунум считался его резиденцией. Наместник провинции, не знавший, как угодить высокому гостю, затеял гладиаторские игры. Легатам двух легионов, Третьего и Пятого, было велено выставить лучших бойцов, поэтому отец отправился в Лугдунум вместе с легатом.

Римские легионы издавна соперничают за звание лучшего; это распространяется и на гладиаторские игры. Каждому из легатов хотелось отличиться перед императором. Существует множество приемов обернуть схватку в свою пользу (например, вовремя выставить против слабого бойца противника посильнее, сменить вооружение бойцу и тому подобное), и наместник это знал. Поэтому велел определять пары гладиаторов, их вооружение по жребию, а ланистам занять место в амфитеатре. Отец сидел рядом с Пульхром, неподалеку от императора, и с волнением следил за боями на арене.

Борьба складывалась равной. Побеждал то гладиатор Третьего легиона, то Пятого. Оставалась последняя, десятая пара. От Третьего легиона на арену вышел огромный фриз, от Пятого – бывший легионер по кличке Рябой. Пьяным он ударил центуриона – за это полагалась смертная казнь, но по просьбе товарищей виновного записали в гладиаторы. У зрителей были таблички с именами бойцов, поэтому появления Рябого амфитеатр встретил шумными криками. Все сочувствовали римлянину, никто не хотел болеть за фриза.

Рябой был отличным фехтовальщиком, в схватке на мечах одолеть его было трудно, но в этот раз жребий определил ему роль ретиария: он должен был сражаться трезубцем и сетью, даже без шлема на голове. Хорошие ретиарии получают из высоких и длинноруких бойцов, Рябой же был приземист и коренаст. Луций Назон, как только увидел пару, понял, что его боец проиграет. Но даже он не ожидал того, что произошло. Рябой только успел взмахнуть трезубцем, как фриз, отбив выпад, ударом щита свалил противника на арену. В таких случаях правила предписывают победителю ждать решения устроителя игр; не приходилось сомневаться, что Рябого помилуют. Но фриз ждать не стал. Схватив трезубец, выроненный оглушенным противником, он одним ударом пробил ему череп. Убить гладиатора его же оружием считается выражением высшего презрения к сопернику. Фриз, вдобавок, поднял вверх оружие, на зубьях которого краснели куски мозга убитого, и заорал, что так будет с каждым римлянином.

Это было оскорблением Рима, все произошло в присутствии императора, и наместник побледнел. Легат Третьего легиона – следом. Лучше б его гладиатор проиграл! Зрители в амфитеатре возмущенно кричали, и в этот момент отец встал и поклонился Августу.

– Позволь мне убить фриза! – крикнул он, чтоб перекрыть шум толпы.

Август посмотрел на него с любопытством.

– Кто ты? – спросил строго.

– Луций Корнелий Назон, по прозвищу Руф.

– Вижу, что Руф, – усмехнулся Август, бросив взгляд на рыжую голову отца. – Но это имя ничего не говорит мне.

– Я – сын всадника Марка Корнелия Назона и внук сенатора Луция Пульхра.

Август кивнул: несмотря на возраст, память у него была отменной – он помнил всех своих сподвижников, как живых, так и давно умерших.

– Почему ты хочешь драться, Руф? – поинтересовался Август.

– Там лежит мой товарищ, – сказал отец, указывая на мертвое тело на арене. – Я готовил его к бою. Он провинился перед государством, но он был римлянином и не заслужил такой смерти.

– Ты сумеешь убить фриза? – с сомнением спросил Август, разглядывая невысокого и худощавого ланисту Пятого легиона.

– Если выйду драться с мечом, – ответил отец. – Тогда я не просто убью дерзкого варвара, но сделаю это вот здесь! – отец указал на арену, прямо перед трибуной императора.

– Пусть будет так! – согласился Август.

Зрителям объявили о решении императора, и они радостно зашумели. Но когда отец вышел на арену (тело Рябого уже убрали, кровь присыпали свежим песком), его встретил вздох разочарования. Он не только выглядел жалко рядом с огромным фризом, но к тому же был вооружен слишком легко. Отец надел простой кожаный нагрудник, армейский стальной шлем, оставлявший его лицо открытым, взял солдатский гладиус и овальный щит, каким обычно пользовались ауксиларии. Руки его оставались незакрытыми, в то время как гладиаторы с мечами защищали сегментным стальным доспехом, как минимум, правую руку. Когда соперники по обычаю подошли к трибуне императора, чтобы поприветствовать его, Август наклонился к ним.

– Эй, Руф! – крикнул он (и это услышал весь амфитеатр). – Ты не слишком легко вооружен? Надень хотя бы панцирь.

– Спасибо, Цезарь! – ответил отец. – Мне так удобнее.

Август пожал плечами и дал знак начать бой.

Отец действительно знал, что делал. Он был Назон, к тому же не мальчик и вызвался драться не в минутном порыве. Тренируя гладиаторов, он знал тонкости боя. Тяжелые доспехи защищают бойца, но они же делают его медлительным. Когда вооружение одинаково, выигрывает тот, кто проворнее. Высокий и мощный гладиатор выглядит устрашающе, но он уступает в быстроте движений маленькому и худощавому. К тому же глухой шлем мурмиллона с решеткой на уровне глаз и выдающейся вперед нижней частью закрывает гладиатору обзор под ногами. Чем выше боец, тем больше невидимая зона. Фриз, против которого вышел отец, был высок и облачен в доспехи мурмиллона.

Отец это знал, но зрители в амфитеатре – нет. Фриз, скептически воспринявший появление нового соперника, – тоже. Едва бойцы встали напротив, он обрушил на противника град ударов. Прием, который использовал фриз, называется «мельница» и получил свое имя за подобие вращающимся лопастям ветряка. Отец показывал его мне. Левая рука щитом бьет в щит противника, правая тут же наносит удар мечом, соперник пытается закрыться, но удары левой расшатывают его защиту, а меч все ближе и ближе скользит возле открытых частей тела врага...

Зрители видели только одно: фриз наносит удары, руки варвара действуют так быстро, что их движения невозможно различить отчетливо, слышен звон металла и треск дерева разбиваемого щита; амфитеатр замер в ожидании горестного финала. И в едином порыве вздохнул, когда один из бойцов упал на песок. Но вздох сменился удивлением: упал фриз. Отец, вместо того, чтобы добить поверженного соперника, стоял, подняв вверх щит и меч.

Амфитеатр взревел. В этот момент зрители поняли: этот невысокий римлянин неотвратимо убьет фриза. Если он не сделал это сейчас, то только потому, что хочет доставить им удовольствие. У Луция Корнелия Руфа мгновенно появилось двадцать тысяч друзей. В том числе наместник провинции и легат Третьего легиона...

Единственным, кто остался в неведении о предстоящей победе Руфа, был фриз. Он разъярился еще больше и в исступлении набросился на жалкого римлянина. Он бил щитом и мечом, ожидая, что соперник вот-вот свалится, но тот не падал. Только неуловимо ускользал от ударов, а потом снова упал фриз...

Отец научил меня этому приему. Улучив момент, ты резко приседаешь и цепляешь подъемом стопы лодыжку противника. Рывок вверх – и тот падает навзничь. Враг оглушен, и умелому бойцу хватит времени, чтобы перерезать горло поверженного. Это опасный прием. Стоит промедлить, и ты получаешь удар сверху. Но противник Луция Назона даже не видел, куда бить...

Когда фриз упал в третий раз, амфитеатр охватило безумство. Зрители вскочили со своих мест, в один голос скандируя: «Убей его! Убей его!..» Свалив фриза в четвертый раз, отец оглянулся на Августа.

– Убей! – сказал император.

Из-за рева толпы отец не мог слышать повеление, но догадался. Пятясь, он медленно отступал к трибуне императора, и фриз решил, что враг наконец-то сломлен. Но отец просто исполнял обещание. Когда оба гладиатора встали напротив трибуны Августа, отец скользнул вниз. В этот раз он не действовал ногой. Гладиаторы сражаются босыми, и отец перерезал фризу ахиллово сухожилие.

Фриз упал и попытался встать, но не смог. Отец, заскочив ему за спину, перерезал второе сухожилие. Теперь фриз мог стоять только на коленях. Он на них встал – с мечом в руках. Отец спокойно перерубил ему пальцы, сжимавшие рукоять, затем стащил шлем. Фриз молча смотрел на беснующуюся толпу, единодушно желавшую его смерти. Гладиатор просит пощады, поднимая руку. Фриз не поднял.

Отец оглянулся на Августа. Тот сделал знак. Отец схватил фриза за волосы, оттянул его голову назад и ударил мечом сверху вниз, над левой ключицей. Широкий гладиус, войдя в грудь, разрезал сердце фриза, и тот безмолвно упал лицом в песок.

– Так будет с каждым врагом Рима! – крикнул отец, поднимая окровавленный меч.

Восторженный рев толпы был ему ответом.

Отец едва успел снять доспехи и переодеться, как за ним прибежал посыльный. Август не любил пышных пиров, тем более с возлежанием, поэтому гости за столом наместника сидели. Наместник – по правую руку императора, легаты Третьего и Пятого легионов – по левую, дальше располагались какие-то важные сенаторы, но отец на них не смотрел. Когда он вошел в триклиний, Август указал ему на место напротив себя. Подбежавшие рабы мгновенно поставили гостю стул без спинки, на стол перед ним – чашу с вином. Все напряженно смотрели на отца, и тот понял. Взял чашу и встал.

– Да будут боги милостивы к тебе, Цезарь! Да продлятся твои дни, дабы все мы благоденствовали!

– Ишь как! – сказал Цезарь. – Хитер! И меня похвалил, и себе благоденствия пожелал.

Гости за столом засмеялись. Отец смутился.

– Садись! – велел ему Цезарь. – Ешь, пей – заслужил! Отстоял славу Рима. Откровенно говоря, я сомневался. Фриз был силен.

– Он двигался слишком медленно, – сказал отец.

– Ты, конечно, заметил это? – сощурился Август. – Еще до того, как попросил меня? Ведь так?

– Так! – признался отец.

– Хорошо, что не врешь! – заключил Август и продолжил: – Ты показал, что Рим побеждает не грубой силой, а умом и упорством, и заслужил награду. Часто выступаешь на арене?

– Впервые.

– Я вижу шрамы на твоём лице и руках. Много шрамов.

– Я получил их, сражаясь с германцами.

– Луций Назон был префектом когорты ауксилариев, – пояснил, не утерпев, легат Пульхр.

– Почему же теперь тренирует гладиаторов? – Август повернулся к легату.

– Я долго оправлялся от ран, – поспешил отец на помощь. – На мою должность назначили другого. Теперь жду вакансии.

– Давно ждешь? – сощурился Август.

– Третий год...

Август повернулся к наместнику.

– Если не ошибаюсь, только в этом году мы направили в Галлию семь новых трибунов. Почему не нашлось когорты для Руфа?

Наместник не знал, куда деть глаза.

– Я сомневался... – наконец, произнес он сдавленно. – Ауксилия под началом Назона была разбита.

– Нам ударили в спину! – поспешил отец. – Неожиданно, когда мы сражались с другими. Германцев было вдвое больше.

Но Август продолжал смотреть на наместника.

– Когорта ауксiliarиев бежала с поля боя?

– Нет, Цезарь! Отступили германцы.

– Варвары захватили знамя и значки когорты?

– Нет, Цезарь.

– Почему говоришь, что когорту разбили?

– Ауксiliarии понесли большие потери. Был убит или ранен каждый второй.

– А у германцев?

Наместник замялся. Отец вновь не выдержал:

– Перед тем, как нам ударили в спину, мы положили сотни полторы. Потом меня ранили... Но мне говорили, что галлы убили еще не менее двух сотен. Иначе германцы не ушли бы.

– Я постарел, – со вздохом произнес Август, – и многого не понимаю. Наша когорта сражалась на два фронта. Ауксiliarии сохранили строй, значки и знамя, они убили много врагов и заставили германцев отступить. Мне говорят, что это поражение. Когда я был молод и сам водил легионы, такое считалось победой.

Наместник смотрел в стол. Август вновь повернулся к отцу. И вдруг заговорил на греческом.

– Ты сын всадника, но носишь простую тогу. Почему?

– У меня нет имущества для ценза всадника, – ответил отец на том же языке.

– Сколько времени ты командовал когортой?

– Больше трех лет.

– Вы часто брали добычу?

– Часто.

– И ты не сумел скопить четыреста тысяч сестерциев?

Отец молчал.

– Он распутник? – повернулся Август к легату Пульхру. – Тратит все на вино, женщин и другие удовольствия?

– Нет, Цезарь! – возразил легат. – Назон живет, как простой солдат. Я никогда не видел его с женщинами, у него только одна рабыня, а воду он пьет чаще вина.

– Куда ты подевал свои деньги? – сердито спросил Август отца.

– Я раздал их галлам, – выдавил Луций.

– Зачем?

– Они хорошо сражались...

Отец хотел добавить: «Им ведь так мало платят!», но вовремя осекся: размер жалованья ауксiliarиям утверждал император.

– Ты выдавал им награды из своих денег? – уточнил Август.

– Да...

Луций ждал выговора, но его не последовало. Император молчал. После смерти приемного отца Август, в ту пору всего лишь Октавиан, стал наследником Цезаря. По завещанию он был обязан треть денег отдать римлянам. Но Марк Антоний присвоил наследство. Тогда Окта-

виан продал свое имущество, занял огромные суммы у ростовщиков, но волю Цезаря исполнил. Потом, конечно, он восполнил свои траты с лихвой, но это было потом...

– Ты хорошо говоришь по-гречески, – нарушил тишину Август, – и пишешь?

– Я окончил грамматику.

– Итак! – принялся загибать пальцы Август. – Отважен, правдив, умен, образован и к тому же не корыстолюбив. – И такой человек тебе не нужен? – повернулся он к наместнику.

Тот молчал.

– Раз не нужен тебе, то мне пригодится, – спокойно заключил Август и сделал знак Луцию.

Тот встал и поклонился.

– Эй, Руф! – окликнул его Август у самых дверей. – Тебе сколько лет?

– Тридцать, Цезарь.

– Ты женат?

– Нет.

– Почему?

– Я на военной службе.

– Это легионерам запрещают жениться! – сердито сказал Август. – На префектов запрет не распространяется. Ладно, иди! Завтра не отговоришься...

Отец вышел из дворца наместника и остановился, не зная как понять состоявшийся разговор. Но собраться с мыслями ему не дали. Рядом остановился «карпентум» – легкая открытая повозка, в которую была впряжена пара мулов. В повозке сидела молодая женщина, настолько красивая, что у Луция перехватило дыхание. Он молчал, не зная, что сказать, и женщина улыбнулась, поняв его смущение.

– Меня зовут Випсания, – сказала она весело. – А ты – Руф?

– Луций Корнелий Назон.

– Август в цирке называл тебя Руфом. Мне нравится.

– Как будет угодно, – поклонился отец.

– Ты учтив, – засмеялась Випсания и вдруг спросила: – Проголодался?

Луций вспомнил, что с утра ничего не ел. За столом Августа он только выпил вина и в самом деле был голоден.

– Я как раз собралась ужинать, – продолжила Випсания. – Там хватит двоим.

– Благодарю, госпожа.

– Я тебе не госпожа! – возразила Випсания. – И благодарить рано. Угощение может не понравиться.

– Не думаю! – смело возразил пришедший в себя Луций.

Випсания взяла в руки вожжи, отец приготовился идти рядом.

– Еще чего! – воскликнула Випсания и за руку втащила его в повозку...

* * *

Випсания была дочерью обедневшего всадника, Гая Випсания Катона. Отец ее вел дела с богатым откупщиком Фульвием, тот однажды пришел в дом Гая и увидел юную красавицу. У старого сластолюбца перехватило дыхание. Фульвию было за шестьдесят, но он уговорил Гая выдать за него дочь. Убедили всадника не столько слова, сколько увесистые мешочки с серебром... У Фульвия был лучший дом в Лугдунуме (не считая дворца наместника, конечно), миллионы сестерциев и слава самого безжалостного кредитора в провинции. Откупщик ранее был дважды женат, но детьми не обзавелся. Был проклят богами за жадность, как шептали в Лугдунуме. Випсания ему тоже никого не родила. Она вышла замуж в пятнадцать, а к восемнадцати овдовела. Фульвий поехал лично взыскивать долг в отдаленный город. Это случилось

зимой. При переправе через быструю Рону лодка опрокинулась, и холодные волны мгновенно утащили старика на дно.

Випсания стала единственной наследницей огромного состояния. Она была молода, красива и невероятно богата. Десятки мужчин из самых знатных семей провинции осаждали ее, но Випсания отвергла их. Похотливый старик надолго отбил у нее охоту к брачному ложу, а еще юной вдове нравилась независимость. Випсания посещала конные ристания и гладиаторские бои, водила дружбу с ланистами и коннозаводчиками, хорошо разбиралась в лошадях и достоинствах гладиаторов, бывала на пирах, но всегда ночевала в своей постели. Кто-то из отвергнутых женихов распустил слух, что Випсания избегает мужчин из-за низменной страсти к женщинам. Вдова и в самом деле часто появлялась на людях не одна. Бывшая рабыня Фульвия, Афина, стала ее близкой подругой еще при жизни мужа. Овдовев, Випсания отпустила ее на волю, но Афина (теперь уже Фульвия) не покинула госпожу. Им было хорошо вдвоем, но никакого распутства в их отношениях не было. Это стало ясно спустя год, когда Афина-Фульвия влюбилась в бравого центуриона из галлов, и тот, сраженной ее черными очами, позвал гречанку замуж. Випсания устроила подруге пышную свадьбу, дала богатое приданое. Тем не менее слух о порочных склонностях богатой вдовы оказался живучим. В таком городе, как Лугдунум, любят посплетничать, рабы за амфорой вина чешут языки с товарищами из других домов, а Випсания с Афиной так увлекались девичьей болтовней вечерами, что, умаявшись, засыпали на одном ложе. Но к тому времени, как Випсания впервые увидела отца, Афина-Фульвия уже год была замужем.

Когда Луций Руф вышел на арену, Випсания, как обычно, сидела в первом ряду амфитеатра. Случись отцу надеть обычный, глухой шлем гладиатора, Випсания порадовалось бы его победе вместе с другими зрителями, тем дело и кончилось бы. Но Луций вооружился как римский солдат. Из своего ряда Випсания видела его мужественное, красивое лицо, сильные руки и ноги... Многочисленные шрамы только украшали Руфа в ее глазах, а когда воин убил фриза прямо перед Випсанией, ей показалось, что он сделал это лично для нее...

Випсания привыкла исполнять свои желания немедленно. Она вышла из амфитеатра, села в «карпентум» и стала ждать. Она видела, как отца препроводили во дворец наместника, и решила оставаться у выхода хоть до ночи. Но отец не задержался...

Луций Корнелий Назон по солдатской привычке просыпался с рассветом, но утро следующего дня выдалось для него поздним. Истомленный, он крепко спал, и раб едва его растолкал.

– К вам пришел сенатор, господин! – испуганно сказал раб, когда Луций открыл глаза.

Отец торопливо оделся и спустился вниз. В зале, в тоге с широкой багряной полосой, стоял легат Пульхр и с ним три воина. Отец спросонья решил, что он вчера обидел Августа, и его пришли арестовать, но тут заметил, что воины стерегут тяжелые кожаные мешки. Он почтительно поприветствовал легата.

– Едва нашел тебя, – проворчал Пульхр. – Хорошо, что привратник наместника заметил повозку и узнал хозяйку. Принимай! Август велел передать.

– Что это? – удивился отец.

– Ты жаловался на ценз, – хмыкнул легат. – Август дарует его тебе! Однако сказал, что это в долг – отдашь, как разбогатеешь.

С этими словами он протянул Луцию свиток с императорской печатью. «Заемное письмо! – понял Луций. – Ладно, пересчитаю деньги, подпишу и отнесу в канцелярию наместника. Неудобно при Пульхре». Отец небрежно сунул свиток за пояс. Легат изумленно глянул на своего ланисту.

– Еще Август велел тебе передать, чтобы ты женился как можно скорее! – сердито сказал Пульхр. – Иначе не видать тебе должности!

– Но у меня нет невесты!

– Разве? – язвительно спросил легат, глядя Луцию за спину.

Отец обернулся. Випсания, небрежно одетая, но все равно прекрасная, стояла на лестнице, с тревогой глядя на гостей.

– Тебя зовут Випсания? – спросил ее Пульхр.

Женщина кивнула.

– Мне сказали, что ты вдова, и дом принадлежит тебе, – продолжил легат, с завистью обводя взглядом мраморную колоннаду.

– Тебе сказали правду, – подтвердила Випсания.

– Ты знаешь его? – указал легат на отца.

– Да.

– Хочешь выйти за него замуж?

– Да.

– Вот видишь! – повернулся Пульхр к отцу. – Прощай, Руф! Не забудь пригласить на свадьбу! За что тебя так любят боги? Всего лишь убил фриза... Ты вовремя познакомилась с Руфом! – проворчал он в адрес Випсании. – И как только узнала? Наверное, подкупила вольноотпущенника в канцелярии наместника...

С этими словами легат и солдаты ушли. Луций, все еще ничего не понимая, смотрел на оставленные мешки. Будучи центурионом и префектом когорты, он часто имел дело с деньгами и на глаз мог определить сумму. Это не могли быть медные сестерции – понадобилось бы сто таких мешков. Четыреста тысяч в серебряных денариях поместились бы двадцати пяти. Но мешков было три. После бурной ночи думалось плохо, и отец сломал императорскую печать на ближайшем к нему мешке – в нем лежали золотые ауреи. Не веря глазам, отец вытряхнул мешок на мраморный пол – золото засверкало горкой у его ног. Монеты были новенькие, только что отчеканенные. Отец схватил второй мешок – там тоже лежало золото, четыре тысячи новеньких монет с профилем императора. В серебряном денарии – четыре сестерция, в аурее – двадцать пять денариев. Денег было втрое больше, чем необходимо для ценза всадника.

Только сейчас отец вспомнил о свитке и лихорадочно развернул его. Это был указ Августа, возвещавший о возведении Луция Корнелия Назона Руфа в сенаторское достоинство и назначении его префектом монетного двора в городе Лугдунум с подчинением ему когорты вспомогательных войск, предназначенных для охраны вышеуказанного двора.

Отец перечитывал строки раз за разом, с трудом вникая в их смысл. Очнулся он от горячего дыхания у щеки. Он скосил взор. Випсания на цыпочках стояла за его спиной, по-детски высунув от любопытства язычок. Отец понял, что она прочла указ.

– Я ничего не знала! – испуганно зашепила Випсания, поймав взгляд Луция. – И никого не подкупала! Я все время была с тобой... Я согласилась не поэтому... – она запуталась в словах.

– Знаешь, я проголодался, – сказал отец. – Мне понравился вчерашний ужин. Как насчет завтрака?..

3

До Августа деньги Рима чеканил сенат. Монетный двор располагался у храма Юноны Монеты, там он находится и по сей день. Управляют двором триумвиры, ежегодно переизбираемые. Это низшая должность в списке римских магистратов, самая первая ступенька на пути к тоге с широкой полосой пурпура, поэтому трое сенаторских монетариев особого рвения к делу не проявляют. Август презирал республиканскую систему ежегодной сменяемости должностных лиц, но сохранил ее: Рим издавна наводняют потомки патрицианских родов, мечтающих о почестях, а император был слишком умен, чтобы плодить врагов по таким пустякам, как упразднение древних магистратур, давно лишенных реальной власти. Он оставил за сенатом право чеканить медные сестерции и ассы, забрав себе золото и серебро. Сенат предоставил Августу ряд провинций в управление, и император (вернее, принцепс, то есть первый из сенаторов, как Август велел называть себя) создал в них свою систему правления. Принцепс построил огромный монетный двор в принадлежавшей ему Галлии в городе Лугдунум. Недалеко были испанские рудники, где тысячи рабов добывали серебро и золото, к тому же никто в Галлии не мог помешать принцепсу чеканить денарии и ауреи как для казны, так и для себя лично. Управляет лугдунумским двором префект; накануне столь памятных для отца событий тот умер, и Август не знал, кем его заменить. Луций Назон попался на глаза императору как нельзя более вовремя. Рассказывали, что в тот миг, когда отец убил фриза, с левой стороны от места принцепса высоко над амфитеатром показались три коршуна. В Риме это считается счастливым предзнаменованием, а принцепс был чрезвычайно суеверен. Сам Август коршунов не видел; он, как и все зрители, смотрел на арену. Коршунов заметила стража снаружи, начальник ее поспешил доложить принцепсу о добром знамении, рассчитывая на награду. Но награду получил отец...

Я мало верю в эту легенду. Август был проницателен и хорошо разбирался в людях. Он сумел оценить смелость, ум и честность Луция Назона. К тому же цезарь хорошо знал: человек сомнительного происхождения, стремительно вознесенный к вершинам власти, будет не только предан, но и не станет щадить себя в новой должности. В Риме Луций Назон не смог бы занять сенаторскую должность, поскольку был всадником. В Галлии происхождение не играло такой роли. Август и сам вышел из семьи всадника. Его мать была сестрой Юлия Цезаря, но в Риме происхождение считается по отцу, поэтому Цезарю пришлось усыновить племянника, иначе путь к власти был бы ему закрыт. Что до коршунов... Возможно, они действительно были. В тот день на арене амфитеатра в Лугдунуме пролилось много крови, а коршуны знали, где поживиться...

Формально префект монетного двора в Лугдунуме подчиняется наместнику Лугдунумской Галлии, но фактически – только императору. Это вторая по значимости должность в провинции, ее многие желали и желают поныне. Однако Август выбрал Назона, и все смирились. Легат Пульхр пришел на свадьбу отца, Август прислал молодоженам свои поздравления, торжество прошло, как подобает. Невеста под традиционным красным покрывалом выглядела счастливой, жених в тунике и тоге с широкой багряной полосой – тоже. Жрец, испросив повеления богов, сказал, что они не только согласны на этот брак, но и сулят молодым небывалое счастье – так оно и вышло.

Супружество в Риме перестало быть желанным еще до Августа. Рим погрязал в разврате, и Август, как мог, боролся с падением нравов. По его указанию везде выявляли и строго наказывали распутников. Принцепс не пожалел даже единственную дочь, уличенную в оргиях, – сослал ее на пустынный остров. Август не назначал на должности холостых мужчин, понуждая их тем самым к женитьбе. Но брак Луция и Випсании состоялся бы и без императора. Мои отец и мать любили друг друга даже спустя много лет после свадьбы. Нигде и никогда больше я

не видел такой любви. Я вспоминаю взгляды, которыми они украдкой (как они считали) обменивались за столом, как, улучив время, нежно обнимали друг друга. Дети наблюдательны и любят подглядывать...

У Луция и Випсании родились подряд две дочери, прежде чем появился я. Это случилось в иды летнего месяца, названного в честь Августа, ровно за год до смерти самого императора. Хорошо, что я поторопился. Многие отцы выбрасывали детей, родившихся в несчастливый день смерти принцепса, считая, что от них все равно не будет проку. Римляне суеверны. Они верят в бесчисленные приметы, по любому поводу советуются с богами – вернее, жрецами, толкующими волю богов. Накануне моего рождения мать увидела во сне льва: огромный зверь с пышной гривой подошел к ней, но не напал, а улегся у ног. Авгур, к которому мать обратилась за толкованием, заявил, что появившийся на свет младенец будет отважен и силен. Совершив по просьбе родителей ауспицию – гадание по полету птиц, – авгур сообщил, что мальчика ждет необыкновенная слава, имя его узнают все народы и будут помнить спустя тысячелетия. Памятники Марку Корнелию Назону Руфу возведут повсеместно, и статуи эти простоят века...

Я улыбаюсь, вспоминая это пророчество. Мое настоящее имя забыли даже чиновники императорской канцелярии, братья по общине зовут Иоанном. Это имя нравится им больше, а я не спорю. Смешно думать, что ученики закажут ваятелям мою статую: наша община подчиняется древнему закону Моисея, запрещающему возводить памятники людям. «Не сотвори себе кумира...»

Я опять увлекся, поэтому буду краток. К предсказаниям в Риме относятся серьезно. Отец, впечатленный пророчеством, не знал, на каком поприще я прославлюсь, поэтому на всякий случай готовил сына ко всему. Он нанимал лучших учителей, сам обучил меня воинскому ремеслу – к шестнадцати годам я не только мог на равных сражаться с умелым легионером, но и водить в бой центурии и когорты. Я знал латинскую и греческую поэзию, историю, геометрию и начала философии. Подробно учить меня воззрениям греков отец, однако, не стал, считая, что их философия вредна римлянам. Он придерживался старых правил, а ревнители старины и поныне утверждают, что греческое учение склоняет граждан к изнеженности и погоне за наслаждениями. В конце концов, это римляне победили греков, а не наоборот! Правда, это было давно. Ныне Греция завоевала Рим, причем без оружия. Греки привили нам вкус к поэзии и театру, их мировоззрение победило суровость древних римских обычаев, статуи римских богов ваяют греки, да и сами боги в империи греческие – только с римскими именами.

Как любой мальчишка, я с малых лет обожал оружие и все свободное время проводил в казармах. Ауксиларии отцовской когорты выделяли меня среди прочих офицерских детей. Солдаты любят удачливых, верят в приметы и талисманы. Стремительная карьера моего отца – от рядового легионера до префекта – свидетельствовала: боги покровительствуют Луцию Корнелию Назону Руфу. К тому же отец был хорошим начальником – строгим, но справедливым. Он не плутовал с солдатским жалованьем, ауксиларии у него были сыты, исправно одеты и обуты, отлично вооружены. Продвижение по службе в когорте осуществлялось по заслугам, а не по прихоти префекта. К тому же ауксиларии знали о пророчестве авгура (никто не делал из него тайны) и считали меня маленьким талисманом. Солдаты сами сшили мне военную форму и маленькие калиги, выстрогали деревянный меч и щит... В десять лет у меня был железный меч (только меньше обычного), а также настоящий щит и бронзовый шлем; солдаты собрали деньги и заказали оружие кузнецу. В четырнадцать, когда пришел мой черед надеть тогу, оружие уже было настоящее. Отец зачислил меня в когорту простым солдатом, и я вместе с остальными ауксилариями маршировал перед префектурой, потел на учениях и стоял в ночной страже. Единственной моей привилегией была возможность ночевать дома, хотя отец поначалу всерьез решил поселить меня в казарме. Но этому воспротивилась мать, а ей отец отказать не мог.

Когда мне минуло шестнадцать, ауксиларии через выбранных от когорты представителей попросили назначить меня центурионом. Отец поначалу слышать об этом не хотел, ссылаясь на юный возраст кандидата, но ауксиларии жарко убеждали, и отец уступил. Боюсь, что с охотой. Когда отец рассказывал мне о споре с ауксилариями, лицо его светилось гордостью. Разумеется, в настоящем легионе не решились бы назначить центурионом шестнадцатилетнего юнца, но Лугдунум охраняла вспомогательная когорта. Да и чем я был хуже сенаторских сынков, свежее испеченных трибунов, приезжающих в легион командовать когортами? К тому же раннее приобщение к армейской жизни изменило мою внешность – я выглядел старше своих лет, и никто не давал мне меньше двадцати.

Мне стыдно вспоминать, но отец любил меня куда больше, чем сестер. Не только потому, что отцы всегда и везде любят сыновей. Мои сестры, Корнелия Старшая и Корнелия Младшая, выросли очень похожими на отца – такие же рыженькие и худощавые. Они были миловидны, но не красавицы. Замужеству это не помешало: желающих породниться с самой богатой семьей в Лугдунуме хватало. Отец сам выбрал мужей дочерям, но они не противились: женихи были молоды, красивы и знатного происхождения.

Кровь матери взяла свое только в сыне: я рос черноволосым и кареглазым. И чем дальше, тем более походил на мать. Поэтому отец так любил возиться со мной. А я нахально ревновал его к сестрам: маленьким, расталкивая их, пробирался поближе и норовил забраться отцу на колени. Он смеялся, но протягивал руки...

Мать умерла, когда мне было пятнадцать. В один из холодных зимних дней она вышла в атриум после бани легко одетой, простудилась, и лихорадка в три дня убила ее. К тому времени обе старшие сестры были замужем и жили с мужьями; мы остались вдвоем с отцом. На людях отец держался по-прежнему невозмутимо, и только немногие, в том числе и я, знали, чего ему это стоило. Греческие мастера еще при жизни Випсании сделали замечательную ее статую. Они так умело раскрасили ее восковыми красками, что мать выглядела как живая. Отец велел перенести изваяние к себе в спальню, и несколько раз я тайком наблюдал, как он обнимает мраморную Випсанию и плачет. После потери жены отец старался повсюду брать меня с собой: то ли мое лицо напоминало ему о любимой, то ли он страшился остаться один со своим горем. Через год я прекрасно знал все тонкости монетного дела, разбирался в поставках металла и угля, дружил с чиновниками канцелярии префекта и лучшими резчиками. Видя это, отец сделал меня своим помощником. Я продолжал числиться центурионом, на праздничных построениях когорты надевал свой посеребренный панцирь, поножи и шлем с красным гребнем поперек, но в остальное время помогал отцу. Центурией командовал опцион. Мне не нравилось монетное дело, с куда большей охотой я служил бы в легионе на границе с варварами (как любой молодой солдат, я мечтал о славе), но мне было совестно просить отца о переводе. Я был нужен ему.

К тому времени, как начались события, изменившие нашу жизнь, в Риме правил император Тиберий. Мрачный и подозрительный, он панически боялся заговоров и возмущений, поэтому со временем уехал из беспокойного Рима, заявив, что ноги его там больше не будет. Слово свое Тиберий сдержал. Он жил на острове Капри в укрепленном поместье под охраной преданных преторианцев. В Риме хозяйничал Луций Элий Сеян. Тиберий доверял ему безгранично, и некогда скромный всадник смещал и назначал сенаторов, а также осуждал и казнил неугодных. Рим дрожал от страха при одном упоминании имени Сеяна.

В декабре, накануне сатурналий, в Лугдунум пришла весть об избрании Сеяна консулом в паре с самим Тиберием. Эта новость вызвала много толков. Всадник по происхождению, Сеян не мог занять высшую должность в государстве, но тем не менее, это произошло. К тому же его соправителем стал сам Тиберий, не слишком ценивший консульство и предпочитавший выдвигать на эту должность других. Толковали, что престарелый император готовится передать

власть Сеяну, что скоро тот женится на родственнице Тиберия и войдет в правящую семью Юлиев-Клавдиев.

Мой отец внимательно слушал гостей, судачивших о столичных делах, но сам отмалчивался. Что бы ни происходило в Риме, в Лугдунуме оставался Луций Корнелий Назон Руф. Его не трогали. Слава Августа была так велика, что Тиберий ревностно сохранял его наследие. Ссылки, конфискации имущества и казни Лугдунумскую Галлию затронули мало: Сеян и Тиберий боролись с римской знатью, а отец к ней не принадлежал. К тому же император был достаточно умен, чтобы не рушить то, что приносило государству славу и доход. Вот почему отец чувствовал себя уверенно в своей должности и, подозреваю, втайне мечтал передать ее сыну.

Меня политика не влекла. Я больше интересовался домашними рабынями – мужское естество пробудилось во мне. Рабыни охотно шмыгали ко мне в спальню – женщины любого народа любят подарки, а я не скупился. Отец знал об этом, но не мешал: римляне считают, что мужчине для поддержания здоровья необходимы женщины. Вот если бы я стал спускать отцовские деньги в лупанариях или затевать оргии, как сынки некоторых лугдунумских богачей...

Те сатурналии выдались грустными. Я с детства любил этот милый веселый праздник. По улицам ходят толпы ряженных, заходят в дома, поют песни, поздравляют хозяев. Рабы получают свободу на несколько дней – хозяева управляют сами. За столом собираются близкие, преподносят друг другу заранее подготовленные подарки (дети получают больше всех), затем благодарят богов за ниспосланные милости... Но в этот раз за столом пустовало место Випсании, и даже мои сестры, пришедшие со своими мужьями и детьми, не могли скрасить отцу горечь потери.

* * *

В январские иды, в год консульства Тиберия Цезаря Августа и Луция Элия Сеяна мы с отцом находились в его префектуре и занимались тем, что просматривали пергаментные свитки с хозяйственными записями. У отца возникло подозрение, что поставщики древесного угля обманывают нас, и мы проверяли, сколько и по какой цене мы купили угля в предшествующие годы. Эту работу следовало поручить вольноотпущеннику, ведавшему хозяйством двора, но его-то отец как раз и подозревал в сговоре с угольщиками. Мы работали увлеченно и как раз начинали выводить вольноотпущенника на чистую воду, как в дверь постучали.

– Войдите! – ответил отец недовольно.

Это был Скавр, центурион дежурной когорты. Торопливо выбросив руку в приветствии, он выпалил с порога:

– У ворот центурион с солдатами. Говорит, прибыл из Рима по поручению консула.

Отец встал. По его лицу я сразу понял, что далее заниматься углем нам не придется.

– Ты впустил его? – спросил отец.

– Нет! – Скавр замялся. – Я поступил неправильно?

– Правильно, – успокоил отец. – Как выглядят гости? Сколько их?

– Центурион и восемь солдат. В полном вооружении, верхом. С ними еще какой-то старик, по одежде – вольноотпущенник. Видно, что они долго скакали. Уставшие, одежда в грязи.

– Преторианцы на лошадях, – усмехнулся отец. – Неделя пути... Этот контуберний не скоро сможет маршировать по римским улицам. Построй во дворе свободных солдат! – велел он Скавру. – В полном вооружении. Затем впусти гостей. Отведите их лошадей в конюшню, гостям предложи умыться и вина с дороги. Затем препроводи сюда. Вели преторианцам оставить пилумы и щиты в казарме, а станут сопротивляться – окружи и отбери силой. Мечи пусть сохраняют. Не хватало, чтобы они своими палками чаны с металлом перевернули, – пояснил

он Скавру, но я сообразил, что вовсе не это соображение заставило отца отдать приказ. Скавр это тоже понял.

– Будет исполнено, префект! – улыбнулся он и убежал.

Отец подошел к шкафу и достал панцирь; короткий, из двух пластин, выкованных по форме тела – защитное вооружение префекта. Панцирь был позолочен и украшен бронзовыми медалями, полученными отцом в легионе. Я помог ему застегнуть ремни, затем быстро надел свою центурионскую лорику. Без медалей. Шлемы остались в шкафу. Мы накинули перевязи с мечами и встали у стола. На душе у меня стало тревожно. Я не помнил, чтоб мы встречали гостей при оружии.

Мы успели. Дверь распахнулась, и в зал стремительно вошел невысокий плотный центурион в кованом, как у отца, панцире. Лицо его было красным от гнева.

Публию Элию Сеяну, так звали гостя, было двадцать пять, то есть он был совсем молод для должности центуриона преторианцев – привилегированного, личного войска императора, служить в котором было великой честью даже для родовитых патрициев. Центурионами у преторианцев становились, как правило, люди заслуженные, но Публий был племянником самого Сеяна, поэтому обязательные для всех нормы не действовали. На госте был богатый плащ, забрызганный грязью, в грязи были его шерстяные штаны – «браки» и изящные сапоги из мягкой кожи. Ножны и рукоять меча Элия были украшены золотом, золотые узоры змеились и на грудной пластине панциря – слишком богатый наряд даже для преторианца. Ступал центурион не слишком уверенно, широко расставляя ноги – отец был прав, говоря о последствиях скачки пехоты на лошадях. Легионеров учат ездить верхом, но делать им это приходится редко. Особенно изнеженным преторианцам...

Все это я разглядел и узнал потом. В тот миг я видел лишь перекошенное гневом лицо гостя и невольно потянулся к мечу. К счастью, преторианец не заметил моего движения.

– Почему не впустили моих солдат?! – вскричал гость с порога. – Кто смеет препятствовать посланцу консула?

В дверном проеме я заметил мелькнувшую голову Скавры и сообразил: центурион истолковал веление префекта по-своему.

– Откуда мне знать, кто ты? – спокойно ответил отец. – Это монетный двор Рима, его строго охраняют. Посторонний может войти сюда лишь с моего разрешения или по велению римского консула. Так приказал мне сам Август, а сын его, Тиберий, этого повеления не отменял.

– Я... – начал было гость, но потом молча достал из сумки на боку свиток в красном кожаном футляре и протянул отцу.

Отец молча развернул пергамент. Я глянул через его плечо. Это был указ об оказании всякого содействия посланнику консула Рима, Публию Элию Сеяну. Указ скрепляла печать консула.

– Чем могу помочь? – спросил отец, возвращая свиток Элию.

– Я хочу осмотреть монетный двор.

– Что именно?

– Все!

– Это займет много времени.

– Я не тороплюсь.

– Тогда идем!

– Вели позвать моих солдат! – сердито сказал Элий.

– Зачем они тебе?

Элий замялся.

– Если ты опасаясь за свою жизнь, то напрасно, – невозмутимо сказал отец. – Монетный двор охраняется, никто не посмеет причинить вред посланцу консула. Если ты просто

хочешь, чтоб тебя сопровождали, – продолжил отец, увидев, как преторианец изменился в лице при первых его словах, – то лучше не делать этого. Здесь не улицы Рима; там, куда мы пойдем, тесно, шумно и грязно. Посторонний может нечаянно опрокинуть на себя котел с расплавленным серебром или горячие заготовки. Я не хочу, чтобы в моем дворе пострадал преторианец. Втроем мы сумеем этого избежать, но если нас будет десять...

– Он пойдет с нами! – перебил его Элий.

Только сейчас я заметил человека, скромно стоявшего за спиной преторианца. Он был одет как вольноотпущенник (каковым и являлся), на вид ему было не меньше пятидесяти. Отец пожал плечами, и мы спустились во двор.

Я много раз бывал внутри монетного двора, поэтому больше смотрел на гостей, чем на работников. Элий пожелал увидеть все, поэтому отец начал с резчиков. Пятеро их, склоняясь над каменными заготовками, сосредоточенно работали закаленными резцами, создавая формы для инструментов. Кожаной печатью, смоченной в туши, резчики наносили рисунок на камень, затем, очертив резцом контуры, начинали убирать лишнее с образа монеты. Сначала они работали грубым инструментом, затем брали в руки маленький, в завершение тщательно полировали изображение песком – крупным, а затем мелким, как пудра. Отец рассказывал это Элию, центурион важно кивал в ответ, скользя по сторонам равнодушным взглядом. Сопровождавший его вольноотпущенник (как мы узнали позже, его звали Юний) проявил куда более пристальный интерес. Проворно достав из сумки круглое шлифованное стекло, он стал рассматривать сквозь него готовые формы и не отошел от стола резчиков, пока не пересмотрел все. Такой же интерес он проявил в литейной, где каменные формы заливали горячей бронзой: снова внимательно осмотрел каждый отлитый чекан и даже едва не обжегся, протянув руку к горячим, только что извлеченным из форм, инструментам. Отец упредил его, плеснув на чеканы водой из ковша. Облако пара взмыло к потолку, Юний отшатнулся, но потом склонился в благодарном поклоне. По знаку отца раб окатил горячий инструмент водой из ведра, после чего Юний смог их осмотреть, не опасаясь обжечься.

– Почему вы используете бронзу, префект? – спросил вольноотпущенник, закончив осмотр. – На сенатском дворе чеканы железные.

– Бронзу легче обрабатывать, – пояснил отец, – ведь отливки приходится чистить и полировать. С железом это труднее, к тому же при литье железом получается много негодных чеканов. На сенатском дворе чеканят монеты из меди и бронзы – эти металлы твердые, и там железо необходимо. У нас серебро и золото, они мягкие.

Юний остался удовлетворен ответом, и мы двинулись дальше. К моему удивлению, вольноотпущенник остался равнодушным к отливке заготовок для монет, хотя, на мой взгляд, это было самое интересное. Вдоль стены литейной стояли большие закопченные печи, у которых сутились полуголые рабы, раздувая меха. Вот литейщики сдвинули заслонку и выхватили щипцами на двух длинных ручках чан с жидким металлом. Быстро отнесли его в угол к заранее подготовленным формам и стали разливать брызжущее искрами горячее серебро. Вот еще одна печь пыхнула жаром, затем следующая. Вокруг было дымно, жарко, пахло горько и кисло, литейщики сновали вокруг, как подручные в Тартаре. Центурион засмотрелся. Увлечшись, он подошел слишком близко, и литейщики, бежавшие к формам, едва не столкнулись с гостем. Жидкий метал колыхнулся в чане, выбросив сноп горячих капель. Если б отец не дернул гостя за руку, его окатило бы с головы до ног. Элий опасно отошел в сторону, подбежавший раб быстро смахнул метелкой брызги серебра в совок и высыпал в чан для переплавки.

– Теперь понимаешь, центурион, почему я не пустил сюда преторианцев? – прокричал отец сквозь шум. – Я не смогу усмотреть за контубернием, и кого-нибудь из солдат непременно обожгли бы.

Элий в ответ надулся, но спорить не стал. Отец жестом пригласил его следовать дальше.

Когда-то литейную и место чеканки разделяла стена, но отец приказал снести ее. Прежде отлитые заготовки остывали, а перед чеканкой их грели заново. Это требовало много угля, и отец приказал подавать горячие заготовки прямо из литейной. Это требовало искусного сочетания труда многих, но у нас работали опытные люди... Новшество прижилось. Угля монетный двор стал потреблять меньше, на чем и пытался нажиться управляющий хозяйством.

В чеканной стоял грохот. Рабы подносили кузнецам горячие заготовки в маленьких железных корзиночках, затем выхватывали их по одной щипцами и клали на чекан. Кузнец приставлял сверху второй, быстро, с короткого размаха, бил молотом и стряхивал готовую монету в большую медную чашу. Раб тут же подавал следующую заготовку. Когда заготовки кончались, кузнец бросал нагретые чеканы в воду и взамен брал остывшие. Тем временем подносчик подавал новую порцию заготовок... Со стороны казалось, что кузнецы словно играют своими молотами, но я знал, сколько умения нужно для точного удара. Чуть сильнее – заготовка раздавится, края монеты загнутся вверх, чуть слабее – не оттиснется рисунок. Стоит руке кузнеца дрогнуть, и отпечаток не впишется в серебряный кружок, съедет вбок. Все испорченные монеты отправятся в литейную, и императорский фиск понесет убыток на угаре серебра.

Некоторое время Элий заворуженно смотрел, как только что отчеканенные монеты сыплются в чаши.

– Здесь работают рабы или вольноотпущенники? – спросил отца.

– И те, и другие. Рабы подносят, убирают, раздувают меха. Резчики, литейщики и кузнецы – вольноотпущенники.

– Им много платят?

– Двадцать денариев в месяц.

– Больше, чем легионеру!

– Легионеров у Рима много, умелого резчика или кузнеца найти труднее.

– Раб обошелся бы дешевле.

– Возможно, в Риме можно купить кузнеца или резчика, но здесь Галлия, центурион! На невольничьем рынке продают германцев или фризов, взятых в бою, они умеют только драться и пить пиво, резчика из такого не сделаешь. Германцы не годны даже на подноску угля или раздувание мехов: здесь они задыхаются, начинают тосковать по своим лесам, поэтому мрут или бегут. Все наши рабы родились или выросли в Галлии. Хозяева и родители научили их подчиняться, они спокойны и терпеливы. К тому же их сытно кормят, тепло одевают и дают немного денег, чтоб они могли купить себе вина или женщину. Рабы знают: через двадцать лет они получают свободу. Если, конечно, будут хорошо работать и не воровать.

– Не расточительно ли отпускать их?

– После двадцати лет на монетном дворе от раба мало проку. Многие получают увечья или умирают раньше этого срока. Если б законы Августа позволяли, я отпускал бы их через пятнадцать лет. У меня сейчас с десятков уже не годных рабов, которых нужно кормить...

Пока отец с Элием разговаривали, вольноотпущенник Юний проворно инспектировал только что отчеканенные монеты. В этот раз он был осторожнее: перед тем как коснуться монеты, плевал на нее и брал в руки только остывшие. Закончив, он подошел к центуриону.

– Теперь мы осмотрим хранилище! – сказал центурион. Отец молча кивнул.

У хранилища стояла стража – четверо ауксилариев; после того, как отец открыл замок, они стали подносить Юнию тяжелые кожаные мешки с денариями. Отец сам срывал печати, Юний горстью зачерпывал новенькие денарии и рассматривал их через свое стекло, по одному бросая обратно в мешок. После чего отец заново его запечатывал. Вольноотпущенник не пропустил ни одного мешка, и к концу осмотра устали все: Юний, ауксиларии, отец и даже центурион, который ничего не делал, а только внимательно следил за всеми.

– Мы закончили! – объявил Элий, после того как Юний, ссыпав денарии в последний мешок, выпрямился и отрицательно покачал головой в ответ на взгляд преторианца.

– Поднимемся ко мне! – предложил отец, и центурион охотно согласился.

Пока мы ходили по двору, рабы не теряли время: стол в триклинии был уставлен блюдами с вареным и копченым мясом, хлебом, фруктами и кувшинами с вином. В погребах префекта нашлись виноград, яблоки и мандарины. Были здесь изюм, маслины, смоквы и многое другое. Рабы поставили у стола селлы с мягкими кожаными сиденьями и два биселлия для отца и Элия. Рабы помогли нам снять доспехи и подали чаши для умывания. Все мы здорово проголодались, поэтому некоторое время молча ели, запивая кушанья сладким галльским вином. Виноград в Галлии стали возделывать совсем недавно, но местные вина уже славились. Многие считали, что они лучше итальянских, даже знаменитого фалернского. Когда гости насытились, рабы по знаку отца унесли кушанья, оставив только фрукты и вино. Отец сам наполнил чашу Элия, затем свою и, отплеснув по обычаю на пол, пожелал здоровья консулам Рима. Гость поддержал.

– Теперь, когда мы сыты, а ты увидел, что хотел, – начал отец, глядя на центуриона, – можешь сказать, что искал?

– Покажи ему! – велел Элий вольноотпущеннику.

Юний встал и положил перед префектом монету. Я не удержался и скользнул за спину отца. Это был серебряный денарий – обычный, какие мы совсем недавно видели в хранилище. Отец недоуменно повертел денарий в пальцах, затем подкинул его на ладони, проверяя вес.

– Принеси лидский камень! – велел мне.

– Не стоит, префект! – упредил меня Юний. – Серебра в этом денарии больше, чем в обычном. Чистый металл, без примеси.

– Тогда в чем дело?

– Смотри внимательней, префект!

Юний протянул отцу свое стекло, и я вновь наклонился над отцовским плечом. Выпуклое стекло увеличивало рисунок, и я отчетливо видел буквы «TI. CAESAR DIVI AVG. F. AVGUSTVS» вокруг профиля императора, означавшие «Тиберий Цезарь, сын Божественного Августа, Август». На оборотной стороне денария вокруг женской фигуры на стуле (мать Тиберия Ливия в образе богини) надпись покороче: «PONTIF. MAXIM.», «великий понтифик». Отец еще раз повернул монету, и я вдруг ощутил, как напряглась его спина. Следом и меня прошиб холодный пот: вместо уродливого профиля Тиберия на монете был выбит облик неизвестного молодого человека в лавровом венке.

– По ошибке? – хрипло спросил отец.

– В твоём дворе проверяют монеты, прежде чем наполнять ими мешки? – ответил Юний вопросом.

– Два вольноотпущенника заняты только этим.

– Значит, пропустить не могли. Странная монета, не правда ли? Надпись Тиберия, а вот лицо...

– Эту монету сделали умышленно! – торжественно сказал Элий. – Те, кто хотел оскорбить великого Тиберия.

– Известно, чей это профиль?

– Некоторые полагают: Гай Юлий Цезарь, сын Германика и внук Тиберия, – тихо сказал Юний.

– Он же ребенок!

– Не совсем так. Семнадцать лет. Достаточно, чтоб стать знаменем в руках заговорщиков.

– Надо его допросить!

– Юный Гай находится под строгим присмотром! – вмешался Элий. – Дядя исключает его участие в заговоре. Кто-то воспользовался им для своих гнусных намерений!

– Возможно, шутка? – задумчиво сказал отец. – Одна монета...

– В наших руках более сотни таких денариев, – покачал головой Юний. – Все новенькие, недавно отбитые. Их чеканили не фальшивомонетчики на постоялом дворе. Глянь внимательней: оттиск ровный, гладкий, все буквы четкие. Работали умелый резчик и опытный кузнец – люди, знающие монетное дело.

– Не с моего двора! – сердито сказал отец, возвращая денарий.

– Знаю! – спокойно ответил Юний. – Видишь ли, префект, мы бросили эти странные денарии в прозрачный уксус, и тот порыжел – монеты били на железных чеканах. Ты работаешь с бронзой, а твои литейщики никогда не имели дела с железом – я успел их расспросить. Я десять лет управлял хозяйством монетного двора в Риме и хорошо знаю, как делают железные чеканы; в твоём дворе нет ничего, что говорило бы о железе.

– Денарии чеканят не только в Лугдунуме, – заметил отец.

– Еще в Испании и Африке, – подтвердил Элий. – Туда тоже направлены посланцы консула. Где бы ни таился враг Рима, его обязательно найдут.

– Враг?

– Ты живешь в Лугдунумской Галлии и многого не знаешь, – снисходительно сказал Элий. – У вас здесь спокойно. А в Риме уже много лет враги народа таят злобу и плетут заговоры против сына божественного Августа. На Тиберия много раз покушались, только стараниями моего дяди, консула Луция Элия Сеяна (да хранят его боги!), Цезарь жив. Дядя казнил сотни заговорщиков, но они не унимаются. Сейчас вот придумали эти монеты... Они жаждут создать возмущение в народе и придумали ловко. Пустить слух, что Тиберий стар, его пора сменить, и подкрепить этот слух фальшивыми денариями. Люди каждый день берут деньги в руки, и чем больше будет в ходу этих монет, тем чаще они станут задумываться. Мы должны пресечь это в зародыше! Решительно и жестоко, чтобы враг надолго запомнил!

Глаза центуриона блеснули. За столом воцарилось молчание, и первым нарушил его Элий.

– Благодарю за угощение, префект, – сказал он, вставая. – Подозрение с тебя снято, но ты поедешь со мной в Рим. Так нужно! – ответил он на немой вопрос отца. – Консул хочет тебя видеть, велел не медлить. Отправляемся прямо сейчас!

– Твои солдаты и кони устали, – хрипло сказал отец, вставая. – Будьте моими гостями! Мы отправимся на рассвете. Я велю заложить две крепкие и быстрые повозки, мы отвезем в Рим все готовые денарии, дабы консул лично мог убедиться в моей невинности. Припасы в дороге тоже не помешают. В повозках смогут ехать те, кто обессилел или заболел. Дай мне возможность распорядиться, в Лугдунум я вернусь не скоро.

Элий нерешительно посмотрел на Юния, и тот кивнул. Меня удивил этот совет с вольноотпущенником, как и то, что Элий усадил его за один стол с нами. Позже я узнал, что Юний – важный человек в императорской канцелярии и советчик Сеяна. К счастью для нас всех, вольноотпущенник был стар и не горел рвением, как молодой центурион. Он устал и не хотел вновь трястись в седле – упоминание о повозках подвигло его согласиться. Повозки спасли нам жизнь, но это будет позже, а в тот вечер согласие Юния дало отцу возможность собраться без спешки, а мне – попрощаться с рабынями. Весь вечер рабы суетились, собирая нас в дорогу, а отец сходил в храм Юпитера и принес жертву на алтаре Августа. Покойного императора обожествил сенат, и отец обратился за помощью к тому, кто некогда возвысил его.

Ранним утром, не выспавшийся, я забрался на испанского жеребца и у ворот оглянулся на домашних, высыпавших на ступени мраморной лестницы – провожать. Здесь были сестры, их мужья, рабы и вольноотпущенники. Я искал среди десятков лиц своих милых рабынь – кивнуть напоследок, поэтому так и не бросил взгляд на дом, в котором родился и вырос. А сделать это следовало: я видел его в последний раз.

4

Пирамиды и дворцы, возведенные египтянами в эпоху фараонов, выглядят величественно. Храмы Греции изящны и нарядны. Римляне строят много и быстро, но их здания меньше египетских и проще греческих. Римляне превосходили своих учителей в другом: никто в мире не сравнится с ними в умении прокладывать дороги. Мне пришлось путешествовать по Виа Аппия, самой старой римской дороге; ей уже более трехсот лет, но выглядит она так, будто проложена вчера. Легионы завоевали Риму мир, но удержал он его благодаря дорогам. Многим не нравится римское владычество, но когда по каменным плитам новых дорог грохочут подбитые железом калиги легионеров, даже бесстрашные бунтовщики задумываются...

В период гражданских войн римские дороги пришли в запустение; Август отремонтировал их. Он не только искоренил многочисленных разбойников, безжалостно грабивших и убивавших путников, но и создал императорскую почту, снабдив дорогу станциями с конюшнями для сменных лошадей, хранилищами фуража, гостиницами и харчевнями. Центурион Элий добрался из Рима в Лугдунум за семь дней. Если б он отправился в это путешествие во времена республики, то потратил бы месяц.

Ранним утром мы оставили Лугдунум, а к полудню были уже в двадцати милях к востоку. Два преторианца с большой охотой вызвались управлять нашими повозками: ездить верхом им нравилось меньше. В одну из повозок забрался Юний, туда же солдаты сложили свои пожитки, щиты и пилумы, а мы с отцом – дорожные припасы: одежду, оружие, хлеб, вяленое мясо, сыр и кожаные бутылки с вином. Вдоль дороги хватало харчевен, но отец мой был человеком запасливым. Он даже прихватил лук и кожаный мешок стрел, как будто в дороге нас ждала охота. Отец, как многие римляне, плохо стрелял из лука, но один из ауксилариев нашей когорты, родом с Балеарских островов, научил меня сбивать птиц на лету. Наша повозка оказалась загруженной до верха, и Юнию пришлось устраиваться на узлах и свертках. Он не роптал. Скоро все поняли, почему. Когда мы после долгого пути остановились у харчевни пообедать, вольноотпущенник неуклюже выбрался из повозки и, пошатываясь, побрел к отхожему месту. Поначалу я решил, что он отсидел ноги, но потом учуял запах... Зря отец взял в дорогу столько вина!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.